П. К. Энгельмейеръ.

КРИТИКА

НАУЧНЫХЪ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ УЧЕНІЙ

Гр. Л. Н. ТОЛСТОГО.

БИБЛІОТЕКА
МОГАЙКА
№ 11449

Amicus Plato, sed magis amica Veritas!

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля,
преемн. Э. ЛИССНЕРА и Ю. РОМАНА.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1898.

Дозволено цензурою. Москва 24 іюня 1898 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: *Стр.*

Гр. Л. Н. Толстой и Эд. Карпентеръ о наукѣ 1

ГЛАВА ВТОРАЯ:

Наука о наукѣ. Современная теорія познанія 20

ГЛАВА ТРЕТЬЯ:

Техника. Приложеніе науки къ жизни 34

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ:

Искусство. 54

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Гр. Л. Н. Толстой и Эд. Карпентеръ о наукѣ.

Левъ Толстой давно уже высказывается противъ „работы головой“. Но это были до сихъ поръ только общія слова. Теперь, въ XV-й книгѣ своихъ сочиненій, онъ высказался опредѣленно, а потому можно и о его сужденіяхъ высказаться опредѣленно.

Большую часть своей XV-й книги Л. Толстой посвящаетъ искусству, а конецъ ея — наукѣ. По Толстой ставитъ науку, по ея значенію, выше искусства: „Наука истинная, говоритъ онъ, изучаетъ и вводитъ въ сознаніе людей тѣ истины, знанія, которыя людьми извѣстнаго времени и общества считаются самыми важными. Искусство же переводитъ эти истины изъ области знанія въ область чувства“ (стр. 221). Въ виду такой постановки вопроса намъ необходимо начать съ критики той почвы, на которой стоитъ Толстой, т.-е. его сужденій о наукѣ. Это облегчитъ намъ критику его художественныхъ воззрѣній.

Толстой въ одно и то же время считаетъ науку и самымъ нужнымъ и самымъ пустымъ дѣломъ. Изъ этого противорѣчія онъ выходитъ такимъ образомъ: пустымъ

дѣломъ онъ считаетъ ту науку, которую мы всѣ знаемъ и называемъ наукой, т.-е. ту самую, которая охватываетъ всѣ существующія библіотеки, университеты и лабораторіи и всѣхъ отъ вѣка и до нынѣ существовавшихъ ученыхъ и въ особенности нынѣ существующихъ. Нужнымъ же дѣломъ онъ считаетъ нѣкоторую другую науку, которую онъ наконецъ то въ своей XV й книгѣ опредѣляетъ. Но такъ какъ Толстой до этого опредѣленія идеальной своей науки доходитъ только послѣ критики существующей науки, то и мы должны послѣдовать за нимъ; а такъ какъ онъ въ своей критикѣ основывается на критикѣ науки, написанной Карпентеромъ, и подъ ней подписывается, включивъ полный переводъ работы Карпентера въ свое сочиненіе, то мы должны начать съ работы Карпентера.

Эд. Карпентеръ о наукѣ*).

Обращаемся же къ работѣ Карпентера. Прочитавши ее внимательно, и желая ее оцѣнить по достоинству, мы спрашиваемъ себя: во-первыхъ, кому Карпентеръ пишетъ, т.-е. къ какому читателю обращается? во-вторыхъ, какъ онъ пишетъ? Въ третьихъ, что онъ пишетъ, т.-е. что утверждаетъ? Разсмотримъ же эти три вопроса по порядку.

Приступаемъ къ первому вопросу: *къ кому обращается*

*) Русская интеллигенція знаетъ Вильяма Бенжамина Карпентера, рожд. въ 1813 г. и ум. въ 1885 г., которому принадлежитъ цѣлый рядъ выдающихся сочиненій по физіологіи, въ особенности переведенная Л. Оболенскимъ „физіологія ума“. Просимъ не смѣшивать съ нимъ автора разбираемой работы, Эдуарда Карпентера. Работа эта, въ русскомъ переводѣ, была напечатана въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ (февраль 1898) и послѣ включена Толстымъ въ XV часть своихъ сочиненій

Карпентеръ въ своей критикѣ науки? Карпентеръ пишетъ не для ученыхъ, а для большой публики. Этого ему едва ли кто поставитъ въ упрекъ, особенно въ наше время, когда прямо знаменіемъ времени является широкая популяризація научныхъ познаній, послѣ того какъ въ пользу популяризаціи проповѣдывали сами же ученые, между которыми достаточно назвать только Тиндалля и Гельмгольца. Итакъ, Карпентеръ хорошо дѣлаетъ, что пишетъ большой публикѣ. Но не слѣдуетъ забывать, что это налагаетъ на писателя и тяжелую отвѣтственность: во-первыхъ, публика не въ курсѣ спорныхъ вопросовъ въ наукѣ, во-вторыхъ, ей больше извѣстны популярныя, чѣмъ научныя, сочиненія. Поэтому публика рѣдко можетъ сама отнестись критически къ тому, что пишется о наукѣ, пополнять пробѣлы и исправлять неточности передачи. Въ виду сказаннаго, *необходимо къ работѣ Карпентера отнестись строго,* чего мы и будемъ держаться, приступая къ слѣдующимъ вопросамъ.

Переходимъ ко второму вопросу: *какъ пишетъ Карпентеръ свою критику науки?* Прежде всего надо отдать ему полную справедливость: онъ пишетъ очень понятно, очень интересно, и, что называется, талантливо. Но кому много дано, съ того много и спрашивается, и вотъ сейчасъ же обнаруживается у Карпентера злоупотребленіе своимъ талантомъ, *игра словами,* которой мы приведемъ нѣсколько примѣровъ. Предупреждаемъ только, что мы указываемъ на игру словами, независимую отъ ихъ смысла, а просто на основаніи ихъ случайнаго созвучія. Вотъ, на выдержку, нѣсколько примѣровъ.

Какъ всѣмъ хорошо извѣстно, научный методъ логическаго отвлеченія заключается въ томъ, что изъ всей массы частностей, замѣчаемыхъ нами въ любой вещи,

мы откидываемъ нѣкоторыя, какъ второстепенныя, а другія, какъ существенныя и потому именно существенныя, что мы ихъ замѣчаемъ и въ другихъ вещахъ, мы беремъ отдѣльно, ихъ отвлекаемъ, и составляемъ изъ нихъ понятіе, охватывающее всѣ тѣ разныя вещи, отъ которыхъ оно отвлечено. Этотъ общеизвѣстный логическій пріемъ составленія понятій Карпентеръ называетъ „методомъ умышленнаго ограниченія и вынужденнаго невѣдѣнія“ (стр. 270). Бѣды въ этомъ нѣтъ, не въ словахъ дѣло. Но бѣда въ томъ, что Карпентеру нужно слово „невѣдѣніе“ для другой цѣли, а именно для того, чтобы, разъ всучивъ его въ нить разсужденія, дальше уже безъ всякаго стѣсненія называть методъ науки прямо „методомъ невѣдѣнія“ (стр. 278, 283, 289). Это прямо навѣтъ. Но Карпентеръ имъ не довольствуется, а позволяетъ себѣ еще и другой навѣтъ, опять основанный только на игрѣ словъ и заключающійся въ слѣдующемъ:

Возвращаясь къ составленію понятій вообще, мы должны напомнить читателю еще одну общеизвѣстную сторону этого процесса. Логика говоритъ, что по мѣрѣ составленія все болѣе и болѣе отвлеченныхъ понятій, ихъ содержаніе уменьшается, а объемъ увеличивается. Это значитъ, что уменьшается число общихъ признаковъ, собираемыхъ въ понятіе и составляющихъ его „содержаніе“, но зато увеличивается его „объемъ“, т.-е. число тѣхъ предметовъ, которые понятіемъ охватываются. Это можно въ двухъ словахъ разъяснить на излюбленномъ примѣрѣ Карпентера о „гончей собакѣ“, который имъ изложенъ подробно. Передъ нами два понятія: „гончая собака“ и „собака“. Второе общѣе и отвлеченнѣе перваго, потому его содержаніе уменьшилось и заключаетъ всего одно слово („собака“), тогда какъ содержаніе пер-

ваго заключаетъ два слова („гончая“ и „собака“). Но зато въ обратной пропорціи увеличился объемъ: тогда какъ первое охватываетъ только гончихъ собакъ, второе охватываетъ всѣхъ собакъ вообще. Все это всѣмъ хорошо извѣстно, это азбука логики. Но, чтобы набросить на логику тѣнь даже тамъ, гдѣ ея нѣтъ, Карпентеръ дозволяетъ себѣ слѣдующую игру словъ, говоря, что, по мѣрѣ отвлеченія, понятія „тѣмъ дѣлаются все неуловимѣй и безсодержательнѣй“ (стр. 277, 278). „Содержаніе“ уменьшается, значитъ „безсодержательнѣе“.

Но вѣдь ясно, что здѣсь Карпентеръ играетъ просто на двойномъ употребленіи слова „содержаніе“, разъ въ логикѣ, другой разъ въ разговорномъ языкѣ. Такой неразборчивостью въ средствахъ нападенія Карпентеръ открываетъ и на себя возможность нападенія слѣдующимъ, напримѣръ, способомъ. Разъ доказано, что Карпентеръ играетъ словами по ихъ созвучію, но безъ соотвѣтственнаго смысла, то иной бы сказалъ, что онъ разсуждаетъ „безъ смысла“, т.-е. „безсмысленно“. Но мы, конечно, гнушаемся вплетать такую пустую игру словъ въ серьезную рѣчь.

Но Карпентеръ этимъ не гнушается. И что всего удивительнѣе, даже Толстой считаетъ такую игру очень нужной, даже настолько нужной, что тамъ, гдѣ она должна пропасть въ переводѣ (а это, какъ извѣстно, и служитъ доказательствомъ того, что здѣсь не мысль, а простое созвучіе словъ), Толстой въ такихъ мѣстахъ возстановляетъ англійскій подлинникъ. Такъ, напримѣръ, Толстой въ подлинникѣ передаетъ „непереводимую (по его словамъ) игру словъ“ Карпентера: „the atom is not an object of sense, but... it is nonsense“ (стр. 284, примѣч.). Но вѣдь какъ же Толстой, зная англійскій языкъ, не знаетъ, что въ этой фразѣ слово sense упо-

треблено въ двухъ разныхъ значеніяхъ, при чемъ въ началѣ фразы оно обозначаетъ „ощущеніе“, въ концѣ же ея — „смыслъ“ или „значеніе“, въ родѣ того, какъ французское слово „le sens“ или нѣмецкое „der Sinn“? Вѣдь тѣмъ, что Толстой считаетъ такую игру въ bouts rimés умѣстною и даже желательною въ серьезной рѣчи, онъ всецѣло воспринимаетъ на себя упрекъ, высказанный еще гётевскимъ Фаустомъ по адресу тѣхъ пустыхъ діалектиковъ, которые пробѣлы мысли заполняютъ словами („wo Begriffe fehlen, da stellt das Wort zur rechten Zeit sich ein“).

Что мы видимъ изъ этихъ примѣровъ? Мы видимъ, что Карпентеръ разставилъ хитрую діалектическую сѣть и что въ нее можетъ поймать такого читателя (какъ поймалъ Толстого), которому, по какой бы то ни было причинѣ, не удастся вдуматься въ точный смыслъ употребляемыхъ имъ словъ. Вотъ какова манера Карпентера вести разсужденіе.

Но въ его манерѣ замѣтно еще и другое: препочтеніе не брать у спеціалистовъ, а доходить „своимъ умомъ“. Это можетъ быть очень похвально, но не всегда практично, и вотъ тому примѣры. Такъ, напримѣръ, Карпентеръ на 4-хъ страницахъ (285, 286, 287, 288) критикуетъ понятіе „температура“, роется у физиковъ, сличаетъ ихъ и пр., и въ концѣ концовъ признается, что на вопросъ: „что такое температура?“ „мы напрасно напрягаемъ свой мозгъ, ища отвѣта“ (286). Въ этихъ словахъ Карпентеръ сказалъ такую правду, которую самъ не хотѣлъ сказать: оказывается, что онъ дѣйствительно напрасно напрягалъ свой мозгъ, ища отвѣта своимъ умомъ, такъ какъ этотъ отвѣтъ онъ могъ взять совершенно готовый и полный у спеціалиста физика и философа, Э. Маха, въ его сочиненіи, издан

номъ уже въ 1896 году („Prinzipien der Wärmelehre“), гдѣ этому вопросу посвящена цѣлая глава. Отсебятина хороша только тамъ, гдѣ у другихъ не найдешь лучшаго. Но Карпентеръ совершаетъ и второй разъ такую же безплодную умственную гимнастику, стараясь своимъ умомъ прокритиковать идею эѳира (стр 281, 282), между тѣмъ какъ онъ извлекъ бы гораздо больше пользы, если бы просто раскрылъ книгу Drude, „Physik des Ethers“ (1894).

Карпентеръ не спеціалистъ по физикѣ, за спеціалиста себя и не выдаетъ. Поэтому очевидно, что за спеціальными свѣдѣніями ему необходимо обращаться къ спеціалистамъ, что онъ мѣстами и дѣлаетъ, а, во избѣжаніе безплодной гимнастики, долженъ бы дѣлать вездѣ. Тогда онъ бы не навязывалъ наукѣ стремленія, въ понятіи „температура“ и т. п., познавать міръ будто бы „независимо отъ ощущеній человѣка“. Такого стремленія нѣтъ не только ни у одного ученаго, но даже ни у одного здравомыслящаго человѣка, и конечно Карпентеръ ни одного имени не называетъ, п. ч. ихъ и нѣтъ. Тѣмъ не менѣе онъ не желаетъ воздержаться отъ такихъ неумѣстныхъ и несправедливыхъ выраженій, какъ, напримѣръ: „Тѣмъ самымъ, что наука тщилась приттикъ чему-то независимому отъ ощущеній самого человѣка (?), она окольнымъ путемъ пришла къ нелѣпости“ (стр. 288).

Бросить наукѣ упрекъ въ нелѣпости есть самая сильная брань, передъ которой блѣднѣетъ всякая другая. Обвините, напримѣръ, науку въ томъ, что ея выводы безнравственны; физикъ можетъ возразить, что онъ и не преслѣдуетъ добро, а преслѣдуетъ истину. Карпентеръ это знаетъ, и знаетъ, чѣмъ уязвить науку побольнѣе: вотъ вы, гг. ученые, преслѣдуете истину, а пришли къ нелѣпости. Этотъ упрекъ былъ бы очень ядовитъ, еслибы онъ былъ справедливъ. Но выше до-

казано, что онъ несправедливъ, потому что явился у Карпентера слѣдствіемъ крайне поверхностнаго знакомства съ ученой литературой.

Точно такъ же, если бы Карпентеру были извѣстны другія сочиненія Маха, напримѣръ, его „Механика“, настолько распространенная, что она уже пережила два изданія (въ 1883 и 1889 годахъ), то онъ не впалъ бы и въ другія погрѣшности мысли, напримѣръ, по поводу того, будто наука говоритъ: „здѣсь, въ механикѣ, есть нѣчто, существующее внѣ человѣка, есть нѣчто само по себѣ точное и существенное. Давайте вновь строиться на этомъ основаніи, и современемъ мы узнаемъ, что такое человѣчество“ (стр. 290). Но если бы Карпентеръ заглянулъ въ названную извѣстную книгу Маха, то онъ бы увидѣлъ, что уже въ началѣ 80-хъ годовъ отъ механики не ждали ученые разрѣшенія всѣхъ вопросовъ даже физики и химіи, а ужъ не то что антропологіи и другихъ наукъ. *Значитъ, Карпентеръ, обвиняя въ заглавіи своей работы, критиковать „современную науку“, на дѣлѣ ратуетъ противъ возгрѣній отсталыхъ и брошенныхъ.*

Но мы уже перешли къ третьему вопросу, съ которымъ обращаемся къ работѣ Карпентера. Мы разсмотрѣли, „кому“ онъ пишетъ и „какъ“ пишетъ, теперь *разсмотримъ „что“ онъ пишетъ*. Такъ какъ мы уже доказали крайне недостаточное знакомство Карпентера съ спеціальной литературой по тѣмъ вопросамъ науки, которыхъ онъ касается, и такъ какъ видѣли, что, несмотря на эту поверхностность, онъ не стѣсняется высказывать по адресу науки осужденія совершенно неосновательныя, то мы въ правѣ ожидать такихъ же неточностей и натяжекъ и въ томъ, „что“ Карпентеръ передаетъ, какъ мнѣнія ученыхъ, „что“ приписываетъ наукѣ и что

отсюда выводитъ. Такъ оно и оказывается. Мы приведемъ только нѣсколько примѣровъ, потому что не стоитъ критиковать каждое слово человѣка, говорящаго о томъ, чего незнаетъ.

Вотъ, между прочимъ, что Карпентеръ приписываетъ наукѣ: говоря объ орбитѣ луны, Карпентеръ замѣчаетъ, что Тихо Браге думалъ, что она движется по эпициклу, Коперникъ — что она движется по эллипсу, и справедливо прибавляетъ, что затменія предсказываются и по той и по другой теоріи, но что „въ нѣкоторомъ отношеніи эллипсъ есть болѣе удобная фикція, чѣмъ эпициклъ“ (стр. 266). До сихъ поръ все идетъ хорошо. Но вдругъ мы читаемъ, будто нала „одна изъ основныхъ теорій астрономіи — теорія постоянства орбитъ луны и планетъ“ (стр. 270). Встревоженный читатель ищетъ выясненія столь неожиданнаго извѣстія и находитъ только слѣдующее: „Мы привыкли говорить, что путь луны есть эллипсъ“ (стр. 264). Въ этомъ дѣйствительно заключался взглядъ Коперника; дальнѣйшія наблюденія ввели съ него поправку, выяснивъ отклоненія отъ эллипса, производимыя разными небесными тѣлами. Въ настоящее же время только въ самыхъ элементарныхъ учебникахъ физической географіи, да развѣ въ салонныхъ книжкахъ Фламмаріона говорится, что путь луны близокъ къ эллипсу, да и то говорится только какъ первое пособіе для начинающихъ. Стало-быть, Карпентеръ, считающій эллиптическую орбиту луны за „основную теорію астрономіи“, либо тѣмъ самымъ выдаетъ, что не читалъ никакихъ астрономическихъ сочиненій, кромѣ популярныхъ, либо ратуетъ противъ взгляда, существовавшаго въ наукѣ только во времена Коперника, т.-е. въ XVI вѣкѣ.

Не менѣе странно читать у Карпентера разсужденіе

о „массѣ“ тѣлъ. Желая быть популярнымъ, онъ опредѣляетъ массу какъ свойство тѣлъ оказывать сопротивленіе. Здѣсь бѣды нѣтъ Но бѣда, и бѣда, падающая на него же, въ томъ, что онъ, въ своемъ издѣвательствѣ надъ понятіемъ массы, доходитъ до слѣдующаго курьеза: Карпентеръ находитъ, что попытка судить о тѣлахъ на основаніи ихъ массы „есть то же самое, что судить о людяхъ по ихъ обуви“ (стр. 290), „не потому, что обувь есть цѣнный принципъ классификаціи, а просто потому, что всѣ люди носятъ ту или другую обувь“ (283). На это мы только одно спросимъ у Карпентера: или онъ видѣлъ хоть одно тѣло безъ массы, т.-е. безъ вѣса, или онъ съ самаго рожденія даже спитъ обутый и почему то считаетъ, что обувь такъ же немыслимо снять съ ноги, какъ немыслимо устранить изъ тѣла его массу и вѣсъ. Что это? Наивность? Мистификація? или поврежденіе мыслительнаго органа?

Въ такое же недоумѣніе насъ повергаетъ слѣдующее его разсужденіе. Говоря о теоріи вибрирующаго эѳира, Карпентеръ замѣчаетъ, что „нѣтъ никакой бѣды въ предположеніи о волнообразномъ движеніи, пока оно понимается просто какъ предположеніе, удобное для мышленія“ (стр. 281, 282). Да оно такъ и принимается въ современной наукѣ, прибавимъ отъ себя, и вышеупомянутый трудъ Друде объ эѳирѣ достаточно это доказываетъ. Но, игнорируя этотъ ученый трудъ, Карпентеръ, опять начинаетъ заблуждаться и продолжаетъ только что приведенныя слова, такъ: „Но наука идетъ далѣе: она не только предполагаетъ, что вибрація есть свойство, общее всѣмъ видимымъ тѣламъ, но она придаетъ этому общему свойству тѣлъ реальное существованіе, независимое отъ тѣхъ тѣлъ, которымъ, какъ предполагается, оно присуще, и называютъ вибрацію

причиной видимости тѣлъ“ (282). Ту же мысль онъ высказываетъ еще о „паденіи“, вообще о „движеніи“ и опять о „массѣ“ (видно, „масса“ представляетъ для Карпентера особенно „затруднительный“ пунктъ). Онъ говоритъ, будто „движеніе“ учеными не только отдѣляется отъ движущихся тѣлъ, съ цѣлью его изученія, но будто они его надѣляютъ реальнымъ существованіемъ, рядомъ съ тѣлами. Но это значитъ, что если бы меня спросилъ кто-нибудь, положимъ, самъ Карпентеръ: „въ какомъ направленіи идетъ этотъ поѣздъ?“, то я, желая думать, какъ онъ, предположилъ бы, будто онъ считаетъ раздѣльно существующими двѣ вещи: бѣгущій поѣздъ и линію его движенія. Но я не хочу навязывать Карпентеру такой нелѣпости, а Карпентеръ ее навязываетъ наукѣ, и находитъ нужнымъ назидать ученыхъ слѣдующими словами: „однако самое паденіе и самое колебаніе отдѣльно отъ нихъ (тѣлъ) существовать не могутъ. Попытка говорить о такихъ отдѣльныхъ существованіяхъ только приводитъ къ безмыслицѣ“ (стр. 280). Но такъ какъ, повторямъ, ни одинъ ученый этой попытки не дѣлаетъ, а дѣлаетъ ее одинъ только Карпентеръ, за собственный страхъ, то спрашивается, на чью же долю падаетъ безсмыслица?

Идя такимъ пристрастнымъ и одностороннимъ путемъ, Карпентеръ доходитъ до слѣдующей характеристики современной науки: будто бы она „потерпѣла неудачу“ (стр. 262), будто „ложность мечты современной науки очевидна“ (стр. 290), будто она „приходитъ во всѣхъ направленіяхъ къ нелѣпостямъ“ (стр. 280, 282, 283, 288). Въ этихъ словахъ Карпентеръ только повторяетъ возгласы Брюнетьера и другихъ вдали отъ науки стоящихъ проповѣдниковъ моднаго теперь сокрушенія о якобы *„банкротствѣ науки“*, но, повторяя эти возгласы, по-

вторяетъ и ошибку этихъ проповѣдниковъ, которая заключается въ томъ, что они приписываютъ наукѣ „самообольщеніе“ (стр. 280), (которое Толстымъ усиливается до „самохвальства“), а также идеалы и цѣли, которыхъ нѣтъ въ сочиненіяхъ истинныхъ ученыхъ, Фаустовъ, всегда готовыхъ, на апогеѣ знанія, повторить извѣстный возгласъ Сократа, тогда какъ ихъ помощники, Вагнеры, правда, превозносятъ свои заслуги.

Значитъ, всѣ упреки Карпентера и вся его характеристика отношенія ученыхъ къ своей наукѣ неприложимы къ Фаустамъ, но приложимы развѣ только къ ихъ Вагнерамъ. Допустимъ даже, что Карпентеръ хорошо дѣлаетъ, желая раскрыть глаза публикѣ на Вагнеровъ. Но исполняетъ онъ это желаніе очень дурно, ибо совсѣмъ и не пытается провести раздѣленіе отъ этихъ Вагнеровъ истинныхъ Фаустовъ, выражается обо всѣхъ ученыхъ и обо всей наукѣ, тѣмъ самымъ роняя великія имена и возвышая имена ничтожныя передъ публикой, безсильной исправить невѣрности картины. Такимъ образомъ Карпентеръ, свое собственное невѣжество распространяетъ и въ публикѣ, и тѣмъ болѣе жаль, что Толстой подписался подъ этой ложью.

Но необходимо указать еще на одну сторону въ работѣ Карпентера: онъ ставитъ *на одну доску съ точными основными законами науки такія завѣдомо приблизительныя и ограниченныя правила*, въ родѣ закона Бойля — Маріотта. Надъ послѣднимъ онъ издѣвается пространно и ратуетъ противъ увлеченія его приложимостью, т.-е. опять противъ давно отброшеннаго наукой взгляда. Неудивительно, что противъ закона Маріотта онъ ратуетъ успѣшно. Наоборотъ, точные основные законы современнаго естествознанія онъ обходитъ или молчаніемъ, или отдѣлывается общими фразами. Такъ, про законъ со-

храненія энергіи и законъ выживанія наилучше приспособленныхъ особей, про эти основные законы науки, Карпентеръ говоритъ только слѣдующія нѣсколько словъ: „На самомъ дѣлѣ, „наилучше приспособленная особь“ предрѣшаетъ вопросъ; законъ же о сохраненіи энергіи есть упрощеніе и такъ уже сильно упрощеннаго закона тяготѣнія“ (стр. 289). *И больше ничего. Развѣ это критика?* Зачѣмъ посвящать по нѣскольку страницъ эллипсу лунной орбиты, закону Маріотта и гончей собакѣ, если про настоящіе-то законы можешь сказать всего два слова? Совершенно такъ же, двумя словами Карпентеръ отдѣлывается отъ вопроса о всей химіи и о всѣхъ отдѣлахъ физики: „Несомнѣнно (?), восклицаетъ онъ, что эти обобщенія (т.-е. законы химіи) должны пасть (?), какъ только кругъ явленій, подлежащихъ химіи, расширится и способы ихъ изслѣдованія усилятся. То же можно сказать про магнетизмъ, свѣтъ, тепло, и другіе физическіе отдѣлы; но, кажется, не стоитъ подробно доказывать то, что и такъ достаточно очевидно (?)“ (стр. 272). А мы скажемъ наоборотъ, что именно *на этомъ-то и слѣдовало останавливаться, а не на гончихъ собакахъ.*

Но вотъ Карпентеру кажется, что онъ разбилъ науку въ пухъ и прахъ и очистилъ пустое мѣсто для будущей науки. Что же должно заполнить это пустое мѣсто? „Неудача науки“, по Карпентеру, произошла-де отъ склонности человѣка „раздѣлять въ себѣ область логики и разсудка съ одной стороны отъ области эмоціи и инстинкта съ другой“ (стр 262), между тѣмъ какъ природа, по его словамъ, есть „нѣчто цѣлое“. Но мы убѣждаемся, что и на свое пустое мѣсто Карпентеръ ничего не можетъ предложить, и съ отчаяніемъ восклицаетъ, „что природа чудеснѣе и таинственнѣе всего того, что мы только мо-

жемъ себѣ вообразить о ней“ (стр 274). Значитъ: зачѣмъ было и огородъ городить!

Такъ какъ мы не намѣрены слѣдовать примѣру Карпентера и осуждать огульно, то охотно выдѣлимъ теперь симпатичную, хотя и единственную, сторону его работы. Онъ указываетъ на то, что законы науки ограничены въ своихъ приложеніяхъ, не вполнѣ точны и имѣютъ временное значеніе, а что многіе защитники науки, игнорируя это, желаютъ ихъ устанавливать „на милліоны лѣтъ“ (стр. 276) и обѣщаютъ довести человѣчество „къ предѣлу строгаго и точнаго знанія“ (стр. 270).

Замѣтивъ это, Карпентеръ выполнилъ бы очень симпатичную задачу, если бы указалъ публикѣ на такія медвѣжьи услуги, оказываемыя наукѣ ея непрошенными друзьями — Вагнерами. Но, къ сожалѣнію, Карпентеръ этой задачи не выполнилъ, и потому именно, что не раздѣлилъ Фаустовъ отъ Вагнеровъ, это во-первыхъ, а во-вторыхъ, потому, что допустилъ въ свою полемику пустую игру словъ. Этимъ Карпентеръ окончательно уронилъ свою работу (основная задача которой не лишена значенія) въ глазахъ всякаго, кому дороги затронутые вопросы.

Покончивъ съ Карпентеромъ, на котораго опирается Толстой, и переходя къ Толстому, мы въ нѣсколькихъ словахъ, на основаніи вышесказаннаго, дадимъ оцѣнку работы Карпентера. Вотъ она: Карпентеръ говоритъ, что законы науки неточны, не общи и временны, а ученые будто ихъ считаютъ точными, общими и вѣчными. Такъ какъ Карпентеръ не называетъ именъ и не приводитъ вообще никакихъ раздѣленій между ними, то сказанный упрекъ обращаетъ ко всѣмъ современнымъ ученымъ, къ современной наукѣ вообще, и въ этомъ неправъ. Неправъ также и въ томъ, что ставитъ на

одну доску съ основными законами завѣдомо приблизительныя правила, разбиваетъ вторыя, не трогая первыхъ, но тѣмъ не менѣе высказываетъ обо всѣхъ огульное осужденіе. Неправъ еще тѣмъ, что говоритъ все это публикѣ, не указывая на другую сторону и не гнушаясь, для усиленія красокъ, пустой игрой словъ.

Левъ Толстой о наукѣ.

Толстой принялъ въ свою проповѣдь работу Керпентера цѣликомъ и даже, въ своемъ предисловіи, рекомендуетъ ее въ теплыхъ словахъ (стр. 247 и 258). Но мы видѣли, что работа Керпентера не имѣетъ никакого серьознаго значенія, написана съ предвзятой цѣлью хулить во что бы то ни стало и на основаніи очень поверхностнаго знакомства съ научной литературой.

Вотъ каково то зданіе, на которомъ Толстой возводитъ еще одинъ этажъ. Въ его этажѣ мы замѣчаемъ одну сильную и одну слабую часть. Сильная часть у Толстого заключается въ указаніи на то, что „огромное большинство людей вынуждено во вредъ своему благосостоянію сверхсильно непрестанно работать“ (стр. 228). И это указаніе было бы еще сильнѣе, если бы оно было свободно отъ той односторонности, что Толстой говоритъ только о работѣ физической, т.-е. о пахаряхъ, портныхъ, слесаряхъ и прочихъ ремесленныхъ и фабричныхъ рабочихъ, находя, что всѣ остальныя профессіи, напр., учителя, судьи, солдаты, художники, ученые, техники и т. д. живутъ „на шеѣ“ у первыхъ и не работаютъ. Но здѣсь мы только спросимъ Толстого: развѣ, благодаря современной конкурренціи во всѣхъ областяхъ

труда, учителя, ученые, техники и т. п. не работаютъ тоже непрестанно и сверхсильно? И много ли можно, напр., среди кабинетныхъ ученыхъ, указать на цвѣтущія лица?

Слабость же проповѣди Толстого заключается въ невѣрномъ толкованіи науки, ея цѣлей и методовъ, ея идеаловъ и достигнутыхъ результатовъ. Кромѣ того, что Толстой здѣсь подписывается подъ всѣми ошибками Карпентера, уже нами отчасти разобранными, онъ, отъ себя, еще прибавляетъ слѣдующее.

Упраздняя всю современную науку, Толстой рисуетъ по крайней мѣрѣ хоть идеалъ нѣкоторой „настоящей науки“, чего Карпентеръ не дѣлаетъ. Вотъ этотъ идеалъ: „Настоящая наука въ томъ, чтобы узнать, чему должно и не должно вѣрить, — узнать, какъ должно и какъ не должно устроить совокупную жизнь людей: какъ учредить половыя отношенія, какъ воспитывать дѣтей, какъ пользоваться землей, какъ воздѣлывать ее самому безъ угнетенія другихъ людей, какъ относиться къ иноземцамъ, какъ относиться къ животнымъ и многое другое, важное для жизни людей“ (стр. 226). И какъ до этого идеала дойти, Толстой тоже указываетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Наука наша для того, чтобы сдѣлаться наукой и дѣйствительно быть полезной, а не вредной человѣчеству, должна прежде всего отречься отъ своего опытнаго метода, по которому она считаетъ своимъ долгомъ только изученіе того, что́ есть, а вернуться къ тому *единственному разумному и плодотворному пониманію науки, по которому предметъ ея есть изученіе того, какъ должны жить люди*“ (стр. 258). Значитъ: изучайте то, что́ должно быть, но не то, что́ есть; изучайте то, какъ *должны жить* люди, но не то, какъ они и гдѣ *живутъ*.

И вотъ, если мы приложимъ это основное требованіе проповѣди Толстого къ нему самому, то сейчасъ же увидимъ, что онъ самъ первый отъ него отступаетъ. Это въ отношеніи опять же къ наукѣ. То, что Толстой видитъ въ наукѣ, по его, не есть то, что должно быть. По его проповѣди самый лучшій способъ узнать, что должно быть, есть незнаніе того, что есть. По Толстой самъ же доказываетъ несостоятельность этого совѣта, когда передъ нимъ встала задача доказать, что то, что есть въ наукѣ, не есть то, что должно быть: онъ съ помощію Карпентера изучаетъ то, что есть въ наукѣ. И почему онъ обращается за помощію къ лицу, считаемому имъ за спеціалиста (хотя и ошибочно)? Понятно, потому, что онъ ищетъ человѣка, который подробнѣе, чѣмъ онъ самъ, изучилъ то, что́ есть. Выходитъ, что когда *до самого Толстого коснулось* указать въ нѣкоторой области *„что́ должно быть“*, то онъ наперекоръ своему совѣту, поступаетъ такъ же какъ и всѣ въ подобномъ случаѣ, т.-е. *начинаетъ съ изученія того, „что́ есть“*. Это возраженіе мы относимъ не только къ послѣдней работѣ Толстого, но и ко всей его извѣстной теоріи „непротивленія злу“. Здѣсь онъ ее только дополняетъ: не противьтесь тому, что считаете за зло, не возражайте, но не дѣлайте, не изучайте, не думайте надъ этимъ, а дѣлайте, изучайте и думайте такъ, какъ будто бы зла не было. Это значитъ: плывите на парусахъ, куда заранѣе себѣ намѣтили, но отнюдь не справляясь ни о направленіи ни о силѣ вѣтра. Но вотъ мы и видѣли, что, какъ только дѣло коснулось самого Толстого, онъ нашелъ нужнымъ изучить вѣтеръ. Да, наконецъ, какъ же осуждать то, что́ есть, если оно плохо, не изучивъ его? какъ вообще иначе знать, не есть ли то, что́ есть, какъ разъ то, что́ должно быть?

11449
СПБПИТР 1 2

Другое слабое мѣсто въ проповѣди Толстого заключается въ томъ, что онъ считаетъ „понятіе о назначеніи жизни“ чѣмъ-то единымъ, яснымъ, безспорнымъ, и потому обязательнымъ для даннаго общества и времени. Конечно, если допустить Откровеніе, то это можно утверждать, но Толстой смотритъ на дѣло такъ, что это понятіе о назначеніи жизни составляется нами такъ же какъ и всѣ другія понятія. Отсюда ясно, что во всякомъ обществѣ и во всякое данное время понятій о назначеніи жизни неминуемо существуетъ множество, а для того, чтобы изъ нихъ, путемъ сравненія, выбрать наилучшее, необходимо опять-таки ихъ изучить.

На эти слова Толстой, въ разбираемой работѣ, говоритъ, что онъ и не возражаетъ противъ этого изученія, но находитъ, что наука имъ-то и не занимается, а занимается другимъ, а именно: одна половина ученыхъ занята удовлетвореніемъ празднаго любопытства, а другая — занята плетеніемъ „кружевъ условныхъ фразъ„ (стр. 226) съ цѣлью доказать, что удовлетвореніе праздная любопытства и есть самая полезная работа. Въ этихъ словахъ и заключается *суть всего того, что Толстой, отъ себя, прибавляетъ къ картезіровской критикѣ науки. Это есть основная мысль разбираемой работы Толстого.*

Вотъ что рекомендуетъ Толстой ученымъ, двигателямъ его воображаемой „настоящей науки“: бросьте изучать природу, строеніе и функціи организмовъ, микробы „и ихъ испражненія“ (стр. 251), бросьте изучать и душу человѣка, умъ, чувство, волю, память, воображеніе, словомъ — „отрекитесь отъ своего опытнаго метода, по которому вы считаете своимъ долгомъ только изученіе того, что́ есть“ (стр. 258), а сейчасъ же отвѣчайте: какъ мнѣ жить въ природѣ, съ микробами, съ людьми, со своимъ тѣломъ, умомъ, чувствомъ, волею и пр.

Чтобы понять и оцѣнить приведенный совѣтъ Толстого, къ которому сводится вся послѣдняя его проповѣдь о наукѣ, мы должны себѣ представить Евгенія Онѣгина, горожанина, которому „всесильной волею Зевеса“, какъ снѣгъ на голову упало въ наслѣдство никогда имъ невиданное имѣніе. Онѣгинъ запасается соломенной шляпой, ботфортами и ватерпруфами, и „летитъ въ пыли на почтовыхъ“ въ это имѣніе, воодушевленный, какъ и у Пушкина, пламеннымъ желаніемъ устроить хозяйство самымъ лучшимъ образомъ. Вотъ въѣзжаетъ Онѣгинъ въ свою новую усадьбу, велитъ осѣдлать лошадь, чтобы объѣхать имѣніе, а тѣмъ временемъ идетъ въ кабинетъ, съ цѣлью познакомиться съ планомъ имѣнія. Но въ кабинетѣ его дожидается Левъ Толстой и говоритъ: „я уже предвижу, что вы, Онѣгинъ, собираетесь впасть въ ту же ошибку, въ которую отъ вѣка и донынѣ впадало все человѣчество, намѣреваясь устроить свою жизнь, т.-е. собираетесь начать съ того, чтобы изучить то, что̀ есть въ вашемъ незнакомомъ имѣніи. Примите мой совѣтъ этого не дѣлать, не объѣзжайте полей, не заглядывайте въ планъ, не выглядывайте даже изъ окна, велите затворить ставни, чтобы тѣмъ, что̀ есть, не отвлекаться отъ того, что должно быть, запритесь здѣсь въ кабинетѣ, берите бумагу и пишите: сколько надо нанять работниковъ, какъ воздѣлывать землю, чтобы ихъ не угнетать, сколько надо скота и какого, сколько и какихъ машинъ и сѣмянъ, какъ вы распредѣлите свой день, — и все прочее, единственно важное и нужное для вашей будущей помѣщичьей жизни“.

Комментаріи излишни!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Наука о наукѣ.

Современная теорія познанія.

Мы упрекали и упрекаемъ Толстого и Карпентера въ томъ, что и тотъ и другой невѣрно судятъ о наукѣ, о ея цѣляхъ и методахъ. Оба они приписываютъ наукѣ такую заносчивость, такое ослѣпленіе результатами, какого у серьезныхъ ученыхъ не найдешь, какъ мы сейчасъ докажемъ на подлинныхъ словахъ цѣлаго ряда всѣмъ извѣстныхъ авторитетовъ. Но прежде необходимо въ нѣсколькихъ словахъ сгруппировать тѣ упреки въ заносчивости, которые по адресу науки и ученыхъ высказаны Карпентеромъ и Толстымъ.

Карпентеръ утверждаетъ, будто какіе-то ученые обѣщаютъ „предѣлъ строгаго и точнаго знанія“ (стр. 270) и утверждаютъ свои формулы на „милліоны лѣтъ“ (стр. 276). Но, разумѣется, онъ благоразумно не называетъ именъ, потому что таковыхъ нѣтъ среди настоящихъ ученыхъ, а имена, которыя онъ бы могъ назвать, сразу и выдали бы его головою, обнаруживъ, изъ какихъ невысокихъ слоевъ черпалъ онъ матеріалъ для навѣтовъ на всю науку.

Такимъ же замалчиваніемъ именъ со стороны Карпентера только и держится голословный его навѣтъ, будто именно „за послѣднее время“ „укрѣпло убѣжденіе, что законы науки суть непреложные факты и вѣчныя истины“ (стр. 263). Между тѣмъ мы сейчасъ увидимъ, на подлинныхъ словахъ ученыхъ, что именно теперь-то и укрѣпляется въ наукѣ очень скромная самооцѣнка, при чемъ всѣ идеалы и всѣ методы науки сводятся просто къ экономіи мысли.

Но удивляться такой скромности не нужно, наоборотъ, она только возвышаетъ науку; это потому, во-первыхъ, что по мѣткому выраженію Толстого „все истинно великое — тихо, скромно, незамѣтно“ (стр. 255), во-вторыхъ, потому что этимъ опредѣляется истинная роль науки, ничѣмъ другимъ незамѣнимая. Такимъ образомъ, познакомясь со мнѣніемъ науки о наукѣ, мы увидимъ, что самъ собою падаетъ упрекъ Толстого, будто „наука нашего времени не знаетъ предѣловъ самовосхваленія“ (стр. 255), его мнѣніе „о воображаемой геометріи... и т. п. пустякахъ“ (стр. 224) и его голословное и взятое отъ утопистовъ навязываніе наукѣ „идеаловъ“, будто бы состоящихъ въ томъ, „что пища, вмѣсто того, чтобы добываться земледѣліемъ и скотоводствомъ изъ земли — будетъ готовиться въ лабораторіяхъ химическимъ путемъ“ (стр. 227) *).

---

*) Я уже не говорю о прямыхъ самопротиворѣчіяхъ у Толстого, въ родѣ слѣдующаго: на стр. 224 онъ упрекаетъ ученыхъ *въ излишнемъ приближеніи къ изучаемымъ предметамъ*, совѣтуя имъ „оторваться отъ того психологическаго микроскопа, подъ которымъ они разсматриваютъ изучаемые предметы“, а на стран. 249 упрекаетъ ихъ какъ разъ въ обратномъ, *въ излишнемъ удаленіи отъ изучаемыхъ предметовъ* „на такое разстояніе, при которомъ уничтожились бы всѣ особенности цвѣта и пр.“ Такія противорѣчія,

Теперь мы познакомимся съ истиннымъ мнѣніемъ современной науки о наукѣ, т.-е. съ современнымъ взглядомъ на „теорію познанія“. Попутно мы будемъ имѣть случай убѣдиться, какъ скромно мнѣніе истинныхъ ученыхъ о цѣляхъ и методахъ своихъ наукъ, а кромѣ того убѣдиться и въ томъ, что именно теперь, за послѣднюю четверть вѣка, оно стало особенно скромно, но что наука оттого ничего не потеряла, а наоборотъ, много выиграла.

Такъ какъ мы говоримъ о современной наукѣ, то можемъ оставить въ сторонѣ древне-греческія критическія школы. Отцомъ современнаго критицизма единогласно признанъ Декартъ (XVII в.). Уже онъ установилъ, что о внѣшнемъ мірѣ мы никакихъ другихъ свидѣтельствъ не можемъ имѣть, кромѣ какъ черезъ ощущенія. Но послѣднія измѣнчивы и противорѣчивы: кусокъ воска, напримѣръ, если я его мну и нагрѣваю, измѣняется на нашихъ глазахъ до того, что наконецъ себя спрашиваешь, да что же остается въ немъ неизмѣннаго? По Декарту это неизмѣнное можно постигнуть только разумомъ. Современникъ Декарта, Паскаль, въ своихъ „Pensées“ посвящаетъ цѣлую главу (4-ю) „недостовѣрности (incertitude) нашихъ познаній о природѣ“ и подсказываетъ современнымъ ученымъ ту мысль, что наши натуральные принципы суть не больше какъ принципы „привычные“, и что поссму, какъ привычка есть вторая натура, такъ сама „натура есть не больше какъ наша первая привычка“.

по всей вѣроятности, случайно вкрались въ эти два сочиненія Толстого (первыя слова находятся въ „Заключеніи“ статьи объ искусствѣ, а вторая — въ „Предисловіи“ къ статьѣ Карпентера о наукѣ) и что-нибудь ему помѣшало свести къ одному знаменателю эти свои сочиненія.

Эту мысль далѣе развилъ Кантъ (XVIII в.), выдѣлилъ совершенно „вещь въ себѣ“ изъ свидѣтельствъ о ней нашихъ чувствъ. А въ 50-хъ годахъ текущаго вѣка Спенсеръ окончательно установилъ тотъ взглядъ, что мы никакъ не можемъ даже и мечтать о томъ, чтобы узнать вещи въ себѣ, и потому весь внѣшній міръ (кромѣ духа) Спенсеръ назвалъ „Непознаваемымъ“. Разъ установлена была такая точка зрѣнія, то самыя слова „познаніе“, „пониманіе“, „объясненіе“, „изученіе“ получаютъ совершенно опредѣленный смыслъ, къ слову сказать, совершенно обратный тому, который имъ приписывается Карпентеромъ и Толстымъ, а именно: *не схватывать дѣйствительно существующія внѣшнія вещи и ихъ отношенія задается современная наука, а только приспособлять къ нимъ наше внутреннее мыслительное хозяйство*[*]).

Но послѣдній взглядъ, во всей его полнотѣ, развилъ (въ 80-хъ годахъ) Э. Махъ. Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, что такое внѣшній міръ, Махъ называетъ „познаваніемъ“ только приспособленіе нашихъ мыслей къ даннымъ нашихъ ощущеній; а объ этихъ-то чувственныхъ данныхъ только и говорятъ люди, когда говорятъ о мірѣ, о вещахъ, о фактѣ, о наблюденіи и опытѣ. Въ чемъ же состоитъ приспособленіе мыслей къ опыту? На этотъ вопросъ Махъ даетъ очень обстоятельный отвѣтъ, поясняя его на множествѣ примѣровъ. Но мы приведемъ здѣсь самое сжатое изложеніе этого процесса, данное послѣдователемъ Маха, Герцомъ (открывшимъ электрическія колебанія). По Герцу „мы

---

*) Опять невольно навязывается вопросъ, противъ какихъ прошедшихъ временъ ратуютъ Карпентеръ и Толстой и какія отсталыя идеи навязываютъ „современной“ наукѣ?

создаемъ себѣ внутренніе образы или символы наружныхъ предметовъ, и создаемъ ихъ такими, чтобы ихъ слѣдствія, получаемыя путемъ необходимыхъ процессовъ нашей мысли, были въ свою очередь отраженіями естественно необходимыхъ послѣдствій тѣхъ предметовъ". Наши мысли о вещахъ, или по Герцу, отраженія вещей, мы, во-первыхъ, создаемъ произвольно, во-вторыхъ, создаемъ не какъ попало, а такъ, чтобы оправдывались предсказанія, выводимыя нами изъ нихъ мысленно, другими словами, чтобы добиться параллельности рядовъ мыслей съ рядами фактовъ.

Возвращаясь къ Маху, слѣдуемъ дальше за развитіемъ его взгляда на мышленіе. Изъ вышесказаннаго выясняются три вопроса: 1) каждое понятіе, опредѣленіе или научный законъ приложимы только къ тому кругу фактовъ, изъ котораго отвлечены, но и здѣсь приложимы только поскольку они провѣрены на предсказаніяхъ, 2) внѣ этого круга могутъ быть и неприложимы, и 3) могутъ подвергаться измѣненію при расширяющемся кругѣ опыта, т.-е. наблюденныхъ фактовъ, съ цѣлью дальнѣйшаго приспособленія. Въ этомъ состоитъ эволюція науки и мышленія вообще.

Эволюція науки такъ же обстоятельно изложена Махомъ на массѣ примѣровъ изъ исторіи естествознанія. Изъ этихъ примѣровъ мы возьмемъ только одинъ. Ежедневный опытъ научаетъ насъ, что тяжелыя тѣла падаютъ. Этотъ фактъ не останавливаетъ наше вниманіе и кажется намъ вполнѣ понятнымъ. Но почему онъ намъ такимъ кажется? Да просто потому, что мы къ нему привыкли. Что привычно, то намъ легко, то мы дѣлаемъ рефлективно, машинально, то не останавливаетъ на себѣ вниманіе, и намъ кажется, что совершается само собою, безъ ощутимаго участія воли,

само собою, по какой-то внѣшней необходимости. То же въ отношеніи мыслей. Привычная мысль сама собою является, безъ зова, безъ усилія съ нашей стороны, потому намъ она кажется сама собою понятной и необходимой, простой и ясной. Другого критерія простоты и ясности для мыслей мы не имѣемъ, кромѣ большей или меньшей привычки къ мысли. Вотъполное развитіе мысли Паскаля, высказанной раньше.

Представимъ себѣ, что дѣлается въ насъ, если мы становимся лицомъ къ лицу передъ новымъ, непривычнымъ наблюденіемъ. Ища такъ называемаго „объясненія", т -е. легкаго воспроизведенія въ мысляхъ наблюденнаго факта, мы неминуемо замѣтимъ, что изъ прежняго запаса нашихъ мыслей сами собою всплывутъ въ наше сознаніе мысли наиболѣе намъ привычныя, которыя потому для насъ и болѣе ясны и просты. Если рядъ этихъ привычныхъ мыслей оказывается параллельнымъ новому ряду фактовъ, то умъ на этомъ успокоивается, дальше не ищетъ и, что называется, „нашелъ объясненіе": дотолѣ темная спутанная картина прояснилась и упорядочилась. Если же новый рядъ фактовъ не оказывается параллельнымъ ни съ однимъ изъ привычныхъ рядовъ мыслей, то умъ невольно принимается за приспособленіе своихъ мыслей къ расширенному опыту.

Какъ происходитъ приспособленіе мыслей къ опыту, мы сейчасъ увидимъ на нашемъ примѣрѣ. Итакъ: тяжелое тѣло падаетъ. Фактъ налицо, и мысль безъ труда его воспроизводитъ, потому онъ ясенъ и понятенъ. Но вотъ мы, допустимъ, въ первый разъ въ жизни видимъ вѣсы. На одну чашку кладемъ гирю и видимъ, что она вмѣстѣ съ чашкой опускается. „Это понятно, говоримъ мы, ибо тяжесть падаетъ". Но допустимъ, что на другой чашкѣ лежитъ меньшая гиря и что она,

вмѣстѣ съ чашкой, поднимается. „Какъ же тяжесть поднимается, когда *должна* падать?“ встаетъ вопросъ, въ виду несогласія новаго опыта со старыми мыслями. Изъ этого несогласія-то и рождаются задачи, вопросы, проблемы, изъ того, что требуютъ свои права, какъ старая мысль, такъ и новый опытъ. И вотъ начинается приспособленіе мысли къ опыту. Эта работа творческая, и потому для нея нельзя дать какихъ-либо указаній и правилъ. Здѣсь все зависитъ отъ личности, отъ способностей и кругозора ея. Что одному кажется понятнымъ и естественнымъ, другому наоборотъ. Такую разницу Махъ подчеркиваетъ въ двухъ великихъ современникахъ, Ньютонѣ и Гейгенсѣ (Huyghens): Ньютону казалась невозможною мысль Гейгенса о томъ, что свѣтъ есть волнообразное движеніе; а Гейгенсу казалась столь же невозможною мысль Ньютона о томъ, что тѣла взаимно притягиваются черезъ пустое пространство. И что же? прибавляетъ Махъ,— прошло какое-нибудь столѣтіе, и обѣ мысли преспокойно уживаются въ самой дюжинной головѣ.

Возвращаясь къ примѣру вѣсовъ, мы „объясняемъ“ себѣ подъемъ гири, направляя наше вниманіе на вѣса гирь и на длины плечъ коромысла. Разъ вниманіе обращено на эти „новыя“ стороны факта, мысль приспособляется къ расширенному опыту, т.-е. наступаетъ параллелизмъ между рядомъ мыслей и рядомъ фактовъ. И вотъ новая мысль (о произведеніи плечъ на вѣса, т.-е. мысль о такъ называемомъ механическомъ моментѣ) даетъ уже предсказанія, согласныя съ новымъ опытомъ. А это только и ищется.

Мы видимъ, какъ дѣтски наивно и непритязательно смотритъ наука на свои задачи и средства ихъ достиженія! И какими простыми словами все это разсказы-

вается, и какъ понятно и близко каждому. Отъ величія науки и ея простота. Ей не нужно запутывать свои слова, боясь, чтобы „непосвященные“ не поняли, что она такое. Наоборотъ: она открыто заявляетъ, что „нѣтъ существенной разницы между тѣмъ, какъ думаетъ свѣтило науки и какъ думаетъ темный простолюдинъ“.

Но какая же все-таки разница? А вотъ какая: ученый думаетъ *хозяйственнѣе (экономнѣе)* простолюдина. Вотъ и все. Этотъ взглядъ впервые высказанъ Рих. Авенаріусомъ, а разработанъ окончательно опять же Махомъ. Онъ заключается въ слѣдующемъ: каждая мысль (понятіе или законъ) „охватываетъ“, что называется, извѣстный рядъ вещей (фактовъ или другихъ понятій), т.-е. эта мысль приспособлена къ этому ряду вещей. Иначе можно сказать, что этотъ рядъ вещей „представленъ“ этой мыслью, она есть его „отраженіе“.

Дальнѣйшій вопросъ заключается въ томъ: для чего человѣкъ думаетъ и въ чемъ состоитъ думаніе, т.-е. логическое разсужденіе, мышленіе вообще? Вотъ два коренные вопроса теоріи познанія, и мы вновь увидимъ, съ какой простотой и ясностью ихъ рѣшаетъ современная наука. Во-первыхъ: для чего человѣкъ думаетъ? Для того, чтобы предсказывать факты. Мишеле, поясняя философію Гегеля, остроумно сказалъ: „мышленіе было бы излишне, если бы нужно было только сѣсть на треножникъ, чтобы вѣщать истину“, т.-е., другими словами, если бы предсказанія доставались безъ труда, ну хоть простой догадкой (интуиціей). Но вотъ именно потому, что догадка далеко не всегда является, когда въ ней нужда, то и приходится думать, т.-е. совершать мыслительную работу.

Теперь мы подошли ко второму вопросу: въ чемъ состоитъ мышленіе? Это есть производство опытовъ

(экспериментовъ) надъ умственными отраженіями вещей. Клодъ Бернаръ отлично изложилъ, въ чемъ состоитъ экспериментальная медицина и физіологія. Этимъ онъ распространилъ экспериментъ на новую область — медицину и физіологію. Э. Золя, взявъ эти разсужденія Бернара, цѣликомъ перенесъ ихъ еще въ новую область, духовную. Вотъ его мысль: художникъ, живя среди людей, составляетъ себѣ вѣрное понятіе о людяхъ. Желая посмотрѣть и другимъ показать, какъ поступаетъ такой-то характеръ въ такихъ-то случаяхъ, художникъ въ мысляхъ ставитъ его въ такія-то воображаемыя условія и, на этомъ „умственномъ экспериментѣ“, показываетъ, что должно произойти, т.-е. предсказываетъ. И извѣстно, прибавимъ отъ себя, что такіе художники, какъ Шекспиръ, Достоевскій, Золя, Л. Толстой (въ первомъ, художественномъ, періодѣ творчества) дѣйствительно научаютъ насъ правильно мыслить о людяхъ *).

Изложенную идею объ умственномъ экспериментѣ Махъ перенесъ на всю науку и на мышленіе вообще. *Всякое мышленіе отвѣчаетъ на вопросъ: изъ того-то что будетъ?* Чтобы на этотъ вопросъ отвѣтить, можно поступить двояко: или можно произвести дѣйствительный опытъ, фактически сопоставляя самые предметы, и можно, не трогая предметовъ, сопоставить въ умѣ ихъ отраженія, образы, мысли. Хорошо, но для того, чтобы результатъ умственнаго опыта (предсказаніе) совпалъ съ результатомъ опыта

*) Повидимому, Толстой и теперь еще раздѣляетъ эту мысль, по крайней мѣрѣ, въ теоріи. Это мы заключаемъ изъ того, что въ той же XV-й части своихъ сочиненій, онъ желаетъ, чтобы искусство вызывало „въ людяхъ, при воображаемыхъ условіяхъ, чувства братства и любви“ (стр. 232). Къ этому мы еще вернемся, когда будемъ разбирать (въ четвертой главѣ) художественныя воззрѣнія Толстого.

фактическаго, необходимо, чтобы образы, мысли, были прилажены къ фактамъ. А формулу составленія такихъ мыслей, данную Герцомъ, мы привели выше. Тотъ же Герцъ, развивая свой взглядъ, говоритъ, что, во избѣжаніе ошибокъ, преувеличеній и натяжекъ, необходимо всегда имѣть передъ глазами, что наши мысли о предметахъ суть не болѣе какъ наши созданія, имѣющія опредѣленную цѣль (предсказаніе) и опредѣленный кругъ приложенія, — и всегда во всякой мысли строго различать три вещи: 1) то, что́ въ нее внесено по необходимымъ условіямъ нашего мыслительнаго аппарата; 2) то, что́ въ нее внесено для удобства экспериментированія; 3) то, въ чемъ она сходится и не сходится съ фактами.

Къ своимъ разсужденіямъ Герцъ прибавляетъ знаменательныя слова: „всего страннѣе можетъ показаться утвержденіе, что всѣ безъ исключенія законы физики суть только временныя правила. Но не слѣдуетъ забывать, что *все, что́ взято изъ опыта, опытомъ же можетъ быть и уничтожено*“. Эти слова высказаны уже въ 1894 году и подъ ними подписался свѣтило изъ свѣтилъ современнаго естествознанія, Гельмгольцъ (въ предисловіи къ книгѣ Герца). Другое свѣтило, Кирхгофъ, уже въ 50-хъ годахъ провозгласилъ, что *всѣ законы, даже механики, суть не больше какъ „описанія“ явленій**).

Въ полномъ согласіи съ этими словами Кирхгофа мы

---

*) Значитъ, уже въ пятидесятыхъ годахъ было поколеблено увлеченіе, будто механика приподнимаетъ покровъ Изиды и освѣщаетъ самую сущность міра. А такъ какъ мы выше видѣли въ первой главѣ, что Карпентеръ вооружается противъ того же, то и видимъ, что онъ, стало-быть, подъ видомъ „современной науки“ воюетъ противъ 50-хъ годовъ. А въ другомъ мѣстѣ мы указали и на то, что онъ воюетъ, подъ видомъ современной науки, даже противъ XVI вѣка.

находимъ и у Тиндалля мысль, что всякое сужденіе о внѣшнихъ вещахъ ничего другого, въ сущности, и не говоритъ, какъ то, что вещь такова и такъ дѣйствуетъ, „какъ будто бы“ наша мысль была вѣрна. Другими словами: если я говорю, что такое-то явленіе совершается такъ-то, я ничего другого не говорю, какъ то, что явленіе это совершается такъ, „какъ будто“ оно бы совер. шалось согласно такой-то мысли. И только. Опять непонятно: противъ кого ратуетъ Карпентеръ? И почему, въ сотый разъ спрашиваемъ, онъ не называетъ именъ, а кричитъ огульно противъ науки? Добросовѣстные люди такъ не дѣлаютъ.

Мы видимъ и Т. Рибо тоже въ плеядѣ названныхъ ученыхъ, разъясняющихъ намъ истинныя цѣли и методы науки. Въ самое послѣднее время онъ высказалъ, что наука на свои законы уже давно не смотритъ какъ на „законы природы“. Въ виду завѣдомой ихъ измѣнчивости, даже выраженіе „законы науки“ избѣгается у современныхъ ученыхъ, а замѣняется, либо присоединеніемъ къ закону имени ученаго, его установившаго (такъ напр Законъ Ньютона, зак. Маріотта), либо краткимъ упоминаніемъ содержанія (напр. законъ сохраненія энергіи, выживанія наилучше приспособленныхъ и т. п.).

За послѣднія 300 лѣтъ естествознанія мы назвали цѣлую серію именъ первой величины: Декартъ, Паскаль, Кантъ, Спенсеръ, Авенаріусъ, Махъ, Клодъ Бернаръ, Кирхгофъ, Гельмгольцъ, Тиндалль, Герцъ, Рибо. Передъ этими именами имя Эдуарда Карпентера исчезаетъ, какъ пламя спички на солнечномъ свѣтѣ. И что же мы видимъ: что эти свѣтила человѣческаго разума, эта гордость знанія, ни о чемъ такъ скромно не выражаются, какъ именно о нашемъ разумѣ и о нашемъ знаніи. И вдругъ мы видимъ, что какая-нибудь спичка, которою

путникъ закуриваетъ свою папироску, осмѣливается говорить, что это не солнце, а она, спичка, освѣщаетъ путнику неровности его дороги. Вотъ что такое Эд. Карпентеръ!

Если бы Карпентеръ дѣйствительно задался цѣлью безпристрастно отнестись къ наукѣ и передъ большой аудиторіей разрушить слишкомъ высокое мнѣніе, поддерживаемое въ публикѣ непрошенными защитниками науки, очевидно только потому и поддерживаемое, что эти защитники сами не въ силахъ понять истинное величіе науки, то всѣ бы ему сказали спасибо. Да, но тогда Карпентеръ иначе бы и взялся за дѣло: на подлинныхъ словахъ настоящихъ ученыхъ онъ бы изложилъ мнѣніе науки о наукѣ, мнѣніе ея о скромности цѣлей, о временности ея утвержденій (понятій и законовъ), объ ограниченности ихъ приложенія и объ осторожности, съ какой наука дѣлаетъ свои предсказанія и двигается впередъ. Вмѣсто того, чтобы Карпентеру, неспеціалисту по естествознанію, „своимъ умомъ“ гадать и естественно впадать въ ошибки, навязывая наукѣ утвержденія, которыхъ она не говоритъ, и принимая давно отброшенные взгляды за современные; онъ бы черпалъ у самихъ же ученыхъ матеріалъ гораздо болѣе полный, истинный и обработанный для своей проповѣди. Наконецъ, тогда онъ бы не дозволилъ себѣ недостойную предмета игру въ bouts rimés.

Сами ученые указываютъ, именно вслѣдствіе точности экспериментальныхъ методовъ, на неточность законовъ. А если бы они этой работы не совершили, то и Карпентеръ не имѣлъ бы удовольствія глумиться надъ наукой, которую самъ очевидно не понимаетъ.

Но что̀ сказать о Л. Толстомъ? А вотъ что̀: во-первыхъ, неудивительно, что онъ, тоже не спеціалистъ по

естествознанію, не могъ критически отнестись къ работѣ Карпентера, почему имѣлъ неосторожность основаться на его работѣ и даже включить ее цѣликомъ въ свое сочиненіе. Хотя эта ошибка и извиняется вышесказаннымъ, но она есть все-таки ошибка и крупная, во-первыхъ, потому, что сочиненія Толстого читаются на всѣхъ языкахъ интеллигенціею всего міра, во-вторыхъ, потому, что мы всѣ, читатели Толстого, суть вмѣстѣ съ тѣмъ и его почитатели. *Можно не сходиться съ Толстымъ во взглядахъ, но его слово дѣйствуетъ неотразимо, какъ слово убѣжденнаго.* Въ этомъ смыслѣ, конечно, нельзя отрицать нѣкоторой пользы и въ томъ, что Толстой бросаетъ въ большую публику всего міра ложное осужденіе науки. Польза здѣсь та, что публика побуждается не все принимать за золото, что̀ блеститъ, побуждается обсуждать, думать, читать, сличать, — и сама исправлять невольныя ошибки Толстого. Но какъ же не высказать сожалѣніе указаніемъ на то, какую, сравнительно съ этой, огромную пользу оказала бы проповѣдь такого всемірнаго „уловителя человѣковъ“, какъ Толстого, если бы она была основана на дѣйствительномъ знаніи дѣла!

Вѣдь, разрабатывая вопросъ объ искусствѣ, Толстой рылся же въ библіотекахъ и, очевидно, потратилъ много труда на ознакомленіе съ тѣмъ, „что̀ есть“ на дѣлѣ въ искусствѣ*). Отчего же онъ уже за одно, запылив руки о библіотечные филіанты, не поработалъ самъ и надъ наукой и самъ не порылся въ оригинальныхъ ученыхъ, а захотѣлъ взглянуть на науку черезъ мутную

*) И стряслась же съ нимъ бѣда такъ ратовать противъ изученія вообще „того, что̀ есть“ (см. первую главу настоящей книги).

и окрашенную пристрастіемъ призму, услужливо предложенную Карпентеромъ всѣмъ, кто захочетъ имѣть неосторожность и ему довѣриться Если Толстой критикуетъ цѣлую массу эстетовъ, ни одному изъ нихъ не довѣрялись вполнѣ, какая фатальная неосторожность толкнула его, въ вопросѣ о наукѣ, вполнѣ довѣриться злому и поверхностному фельетонисту и плохому мыслителю, котораго весь кажущійся авторитетъ заключается въ созвучіи фамиліи съ настоящимъ ученымъ Вильямомъ Карпентеромъ?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Техника.

Приложеніе науки къ жизни.

Начнемъ со слѣдующихъ глубоко симпатичныхъ словъ Толстого: „Огромное большинство людей вынуждено во вредъ своему благосостоянію сверхсильно непрестанно работать“ (стр. 228). Это сущая и горькая правда И отъ лица рабочаго большинства Толстой имѣетъ полное право говорить, что оно отъ науки ожидаетъ, чтобы она его научила, какъ надо жить, т.-е. „чему должно и чему не должно вѣрить, какъ должно и какъ не должно учредить совокупную жизнь людей: какъ учредить половыя отношенія, какъ воспитывать дѣтей, какъ пользоваться землей, какъ воздѣлывать ее самому безъ угнетенія другихъ людей, какъ относиться къ иноземцамъ, какъ относиться къ животнымъ, и многое другое, важное для жизни людей“ (стр. 226, тоже стр. 250).

Мы уже внесли (въ главахъ 1-й и 2-й) поправку въ сужденіе Толстого о наукѣ, о ея цѣляхъ и средствахъ, которыми она ихъ достигаетъ. Но до сихъ поръ мы говорили о такъ называемой чистой наукѣ, или, по выраженію Толстого, о *наукѣ для науки*. Теперь погово-

римъ о *наукѣ для жизни*, о наукѣ прикладной, т.-е. *техникѣ*.

Обращаемся къ только что приведеннымъ словамъ Толстого. Въ нихъ насъ поражаетъ часто повторяемое слово „какъ", „какъ дѣлать то-то и то-то". Совершенно вѣрно: „какъ дѣлать" — это самый важный вопросъ. Если бы весь вопросъ исчерпывался только тѣмъ, „что дѣлать", то жизнь человѣческая упростилась бы на половину. Но жизнь насильно не упростишь, а приходится ее брать такою, какова она есть.

Что же мы видимъ на дѣлѣ? Мы видимъ, что искони въ человѣчествѣ образовалось (именно подъ вліяніемъ вопросовъ „какъ дѣлать то-то и то-то") раздѣленіе труда, т.-е. мы видимъ, что рабочее человѣчество разбилось на спеціальности Такъ образовались: пахари, ткачи, кузнецы, слесаря, учителя, художники, писатели, врачи, судьи, солдаты, ученые, техники и т. д.

Какъ мы видѣли въ 1-й главѣ, Толстой дѣлитъ всю совокупность людскихъ профессій на двѣ неравныя половины: на „огромное большинство" работающихъ и на „меньшинство" неработающихъ и сидящихъ у большинства „на шеѣ". Толстой взялъ на себя защиту большинства; это хорошо. Но не хорошо то, что онъ нигдѣ (ни въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ сочиненій) не высказалъ ясно, *въ пользу кого онъ ратуетъ?* Толстой нигдѣ не опредѣлилъ намъ своего кліента, рабочаго человѣка, чтобы намъ его отличить безъ ошибки отъ его обвиняемаго, притѣснителя-тунеядца.

Иному читателю можетъ показаться, что мы только къ словамъ придираемся. Охотно докажемъ, что нѣтъ, и сейчасъ же.

Толстой, несомнѣнно, ратуетъ въ пользу *работающаго человѣка* Но мы сейчасъ увидимъ, какъ эти слова

неопредѣленны. Даже охотно вносимъ уже нѣкоторую бо́льшую опредѣленность въ эти слова, предполагая, что подъ словомъ работа Толстой подразумѣваетъ только физическій трудъ. Тогда кажется, будто туманъ начинаетъ немного разсѣиваться: ужъ не *мужикъ ли* кліентъ Толстого? И слѣдующія его слова какъ будто это предположеніе подтверждаютъ: „При этомъ забывается, говоритъ Толстой, что питаніе хлѣбомъ, овощами, плодами, выращиваемыми своимъ трудомъ на землѣ, есть самое пріятное и здоровое, легкое и естественное питаніе, и что труды упражненія своихъ мускуловъ есть такое же необходимое условіе жизни, какъ окисленіе крови посредствомъ дыханія“ (стр. 228). Но въ этихъ словахъ Толстой проповѣдуетъ просто вегетаріанство, и, хотя русскій мужикъ, поневолѣ, вегетаріанецъ, но въ приведенной цитатѣ Толстой ратуетъ гораздо больше, чѣмъ за мужика, — за всѣхъ вегетаріанцевъ на свѣтѣ.

Кстати, вопросъ о питаніи. По Толстому, дозволительно ѣсть хлѣбъ и плоды Ну, а квасъ? пиво? сахаръ? соль? горчицу? и какіе плоды яблоки? а апельсины? ананасы? трюфеля? И что́ значитъ приписка о „выращиваніи своими трудами“, приписка, подробнѣе развитая Толстымъ въ другомъ мѣстѣ: „съѣдать яйцо, снесенное воспитанной имъ курицей, или хлѣбъ, выращенный на своемъ полѣ, или яблоко съ дерева, которое онъ воспитывалъ годами и которое цвѣло и зрѣло на его глазахъ“ (стр. 227)? что значитъ это прибавленіе? Толстой ратуетъ за то, чтобы человѣкъ питался только тѣмъ, что́ онъ своими трудами добываетъ со своего имѣнія. Тутъ кліентомъ Толстого является наравнѣ съ мужикомъ и всякій помѣщикъ. Но если такъ, то спрашивается, чѣмъ питаться пролетарію фабричному рабочему, у котораго (въ особенности въ Западной Европѣ)

нѣтъ ни кола, ни двора, и вообще ничего, кромѣ способности къ физическому труду? Но, конечно, Толстой защищаетъ и фабричнаго рабочаго, — это только обмолвка съ его стороны. Допускаемъ обмолвку, и идемъ дальше.

Возьмемъ теперь самаго скромнаго мужика Вѣдь соль и сахаръ почти столь же необходимы, какъ хлѣбъ и вода. А ихъ онъ уже никакими ухищреніями самъ своимъ трудомъ не добудетъ. А во что ему одѣться и обуться? изъ чего построить избу? Неужели все изъ своего добра? Вѣдь для этого нужны цѣлыя стада овецъ и коровъ и строевые лѣса. Замѣтимъ, что на обувь Толстой (въ одномъ изъ прежнихъ сочиненій) позволяетъ сдирать кожу только съ падали. О достоинствахъ такой обуви мы уже и не говоримъ, они, вѣроятно, Толстому извѣстны. Но неужели необходимо имѣть столько движимости и недвижимости, чтобы зажить по-толстовски нравственной жизнью, *не притѣсняя другихъ?*

На вопросъ о томъ, какъ зажить нравственной жизнью, Христосъ сказалъ: „раздай свое имѣніе нищимъ“. Этому слову Сына Человѣческаго явно противорѣчатъ приведенныя слова Толстого: разъ лишился своего имѣнія, нѣтъ у тебя ни курицы, ни поля, ни яблони. Любопытно знать, какъ выйдетъ Толстой изъ этого затрудненія.

Притѣсненіе другихъ, по Толстому, начинается уже съ обмѣна продуктами труда. Онъ проповѣдуетъ только натуральное хозяйство. Но спрашивается, разъ получился избытокъ хлѣба, но ощущается недостатокъ въ топливѣ, развѣ нельзя избыткомъ покрыть недостатокъ путемъ обмѣна?

Но остаются открытыми и бездна другихъ вопросовъ. Даже тотъ, кто согласится съ Толстымъ въ томъ, какая пища есть „самое пріятное и здоровое, легкое и есте-

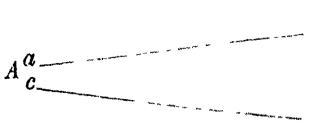
ственное питаніе", — неминуемо станетъ втупикъ на вопросахъ: въ какихъ климатахъ? При какой работѣ? Въ какомъ возрастѣ? Въ какомъ состояніи здоровья? и т. д. И если перейти отъ вопросовъ питанія къ вопросамъ одежды и жилища, далѣе къ вопросамъ совмѣстной жизни людей, средствъ общенія и обороны, борьбы съ природою и пр и пр., то вопросы нагромождаются въ такую вавилонскую башню, что, дѣйствительно, приводятъ только къ смѣшенію языковъ.

Вотъ къ чему неминуемо приходитъ человѣкъ, который говоритъ: человѣчество, съ самой колыбели, пошло по злому ошибочному пути, обратному тому, по которому должно было пойти. Но вѣдь все дѣло въ точкѣ зрѣнія, или въ направленіи, куда смотришь. Такая иллюзія случается съ каждымъ, особенно часто съ охотниками. Ѣдешь бывало на тетеревовъ изъ Москвы, ну хоть по Казанской желѣзной дорогѣ. Выходишь на станцію и — въ лѣсъ. Бродишь, бродишь по лѣсу, нѣсколько разъ переходишь черезъ рельсы. Вдругъ видишь поѣздъ. Смотришь на часы. По часамъ, это долженъ быть пассажирскій поѣздъ изъ Рязани. Но что же это значитъ, что онъ идетъ изъ Москвы? Недоумѣніе. А дѣло просто въ томъ, что ходилъ, ходилъ, да и запутался, и принимаешь московскую сторону за рязанскую.

Безполезно говорить: вся эволюція человѣческая пошла по направленію, обратному тому, по которому должна была пойти; я желаю, чтобы она пошла заднимъ ходомъ. На паровозѣ и на пароходѣ это сдѣлать можно. И только. Но и паровозъ и пароходъ и то нельзя мгновенно, по щучьему велѣнью, перенести въ исходную точку. Дѣйствительная эволюція человѣчества показываетъ, что хотѣнія (потребности) людей все ростутъ и усложняются. А Толстой, примыкая къ Руссо и прежъ-

нимъ аскетамъ, проповѣдуетъ „опростѣніе“ и возвратъ. Куда? къ состоянію бушмена? Или гдѣ-нибудь остановиться?

Вопросъ стоитъ такъ: предположимъ, что двѣ прямыя линіи *ab* и *cd* изображаютъ ростъ людскихъ хотѣній. Дѣйствительная эволюція человѣчества фактически идетъ по направленію отъ *A* къ *B*. Аскеты находятъ, что это не желательно, а желательно движеніе отъ *B* къ *A*. Но если такъ, то мы у нихъ спрашиваемъ: до какой же точки итти? Если быть послѣдовательнымъ, то неминуемо дойдешь въ сторонѣ A до точки пересѣченія линій *ab* и *cd*. Но что́ это: нуль хотѣній? Это смерть. Значитъ, если аскеты желаютъ быть логичными, то они неминуемо должны проповѣдывать одно: самоубійство. Если они этого не говорятъ, значитъ, они нелогичны.

Все это говорится не для того, чтобы надъ кѣмъ-нибудь глумиться, а къ тому, чтобы показать, насколько трудны всѣ подобные краеугольные и всеобъемлющіе вопросы, и какую отвѣтственность на себя принимаютъ люди, берущіеся ихъ рѣшать.

Приступаемъ къ положительной сторонѣ дѣла. Человѣкъ живетъ въ обществѣ и въ природѣ. Онъ имѣетъ массу хотѣній и вездѣ встрѣчаетъ имъ препятствія Человѣкъ борется противъ природы и несомнѣнно ее побѣждаетъ и заставляетъ работать въ свою пользу. Какъ же себѣ объяснить, что *человѣкъ, со своими ограниченными силами, боретъ огромныя силы природы?*

Но этотъ вопросъ оказывается вовсе не такъ труденъ, какъ кажется: *знаніе есть та сила, которая въ рукахъ человѣка покоряетъ огромныя стихійныя силы природы.*

Но мы не намѣрены отдѣлываться общими фразами и подробно мотивируемъ это утвержденіе.

Въ природѣ существуетъ только одна послѣдовательность событій,— именно причинная. Цѣпь природныхъ событій такого свойства, что разъ наступило первое звено, то всѣ остальныя наступаютъ по фатальной физической необходимости. Совсѣмъ не то въ человѣкѣ: въ его рукахъ есть еще способность направлять событія. Задача сводится къ тому, чтобы осуществить первое звено желательной цѣпи или устранить первое звено цѣпи нежелательной. Этимъ осуществится или устранится вся цѣпь событій Но для этого необходимо *знать* природныя цѣпи событій. Отсюда ясно, что *во главѣ и въ основаніи техники стоитъ наука, вообще знаніе*, научное или эмпирическое.

Изучивъ природную, т.-е. причинную, цѣпь событій, человѣкъ составляетъ о нихъ вѣрныя понятія, т.-е. такіе мысленные концепты, которые приспособлены къ опыту. Этотъ процессъ научнаго мышленія подробно разъясненъ во 2-й главѣ. Въ этомъ задача такъ называемой „чистой науки“ и на этомъ она кончается. Достигши этого результата, человѣкъ забѣгаетъ въ воображеніи впередъ событій, дѣлая со своими концептами умственные опыты (эксперименты). Онъ „предвидитъ“ событія и ихъ „предсказываетъ“ вѣрно. Въ этомъ задача науки прикладной и на этомъ она кончается. Дальнѣйшее, т.-е. осуществленіе предсказаній въ формѣ реальныхъ событій,— задача техники.

Такимъ образомъ весь процессъ мыслей и дѣйствій, который оканчивается техническимъ воздѣйствіемъ человѣка на природу, съ цѣлью заставить природу работать на пользу человѣку, состоитъ въ слѣдующемъ: на основаніи предварительнаго изученія даннаго круга

явленій (событій), человѣкъ, изъ числа воображаемыхъ явленій, выбираетъ то, что отвѣчаетъ его хотѣніямъ (потребностямъ). Этимъ опредѣляется его *техническая цѣль*. Далѣе, на основаніи того же знанія, человѣкъ видитъ, какое первое звено какой природной цѣпи надо осуществить для того, чтобы цѣпь, по естественной необходимости, привела къ желательному звену Тогда онъ осуществляетъ первое звено.

Но тутъ опять можетъ возникнуть вопросъ: вѣдь уже самое осуществленіе перваго звена предполагаетъ преодолѣніе природныхъ сопротивленій. Нѣтъ ли здѣсь ложнаго круга? Нѣтъ. Все дѣло въ томъ, и вся сила человѣка надъ природой въ томъ, что ему доступенъ *произвольный выборъ*, котораго лишена природа. Изъ разныхъ цѣпей событій, ведущихъ къ намѣченной цѣли, человѣкъ произвольно выбираетъ такую, которой первое звено легче осуществить. Примѣръ лучше всего объяснитъ, въ чемъ тутъ дѣло:

Глубокая мудрость русскаго народа сказалась въ пословицѣ: „отъ копеечной свѣчки Москва сгорѣла“. Значитъ: разъ при Наполеонѣ явилась патріотическая цѣль — сжечь Москву, то техническимъ средствомъ къ тому явилось: зажечь копеечную свѣчку и т д. Но чиркнуть спичкой -- дѣйствіе, лежащее вполнѣ во власти человѣка; а намѣченный результатъ — пожаръ многомилліонной Москвы, – явился самъ собою. Другой примѣръ: огромный трансатлантическій пароходъ готовится къ отплытію. Это цѣлый городъ, и вѣсъ его измѣряется сотнями тысячъ пудовъ, а то и милліонами. И что же: по командѣ капитана машинистъ внизу только поворачиваетъ маховичекъ паропускного клапана, производя ничтожную мускульную работу, а въ результатѣ: „громада сдвинулась и разсѣкаетъ волны!“ Начальное звено:

неизмѣримо малая мускульная работа голосового органа капитана; конечное звено: работа машины въ 20—30 тысячъ паровыхъ лошадей. *Вотъ въ чемъ суть техническаго процесса.*

Но здѣсь полезно будетъ освѣтить еще одинъ пунктъ. Люди, которые гордятся успѣхами техники и, въ общемъ, вѣрно о нихъ судятъ, нерѣдко ошибаются въ одномъ: говоря о покореніи человѣкомъ природы, они высказываютъ мысль, будто, на подобіе завоевателя чужого народа, человѣкъ навязываетъ природѣ свои законы, взамѣнъ ея законовъ. Совершенно невѣрно. Хотя изъ вышеприведеннаго разъясненія сути техническаго процесса невѣрность этого взгляда явствуетъ сама собою, но ее слѣдуетъ подчеркнуть: достигая свои техническія цѣли, человѣкъ никогда не нарушаетъ законовъ природы и не можетъ этого никогда сдѣлать; какъ разъ наоборотъ: онъ только тогда удовлетворитъ свои требованія, когда полностью удовлетворитъ требованія природы. И что же тутъ удивительнаго: вѣдь человѣкъ, со своимъ тѣломъ и душой, есть не больше какъ часть природы, кость отъ костей ея. Ясно, что сынъ человѣческій пришелъ не нарушить законъ, а его исполнить.

Природа — идеальный эгоистъ. Она все дастъ, всякому, безъ лицезрѣнія, но дастъ только подъ однимъ единственнымъ и неминуемымъ условіемъ, а именно: чтобы всѣ ея требованія, безъ исключенія, были удовлетворены. „Do ut des“ („даю, чтобы ты мнѣ далъ“) есть основная формула природы, а потому и человѣкъ усвоилъ себѣ ту же формулу. И дѣйствительно, нетрудно доказать, что формула „do ut des“ лежитъ въ основѣ всей дѣятельности человѣка, отъ хищенія ростовщика до восшествія на Голгоѳу. Но мы здѣсь ограничимся только однимъ этимъ замѣчаніемъ и возвращаемся къ техникѣ.

Познакомившись съ сутью техническаго процесса, мы переходимъ къ вопросу о томъ, какъ толкуетъ его Толстой?

Мы уже приводили слова Толстого, гдѣ онъ указываетъ, что между другими жизненными вопросами человѣку нужно знать, „какъ пользоваться землей, какъ воздѣлывать ее самому безъ угнетенія другихъ людей и пр.“ (стр. 226). Толстой указываетъ только на земледѣліе, т.-е. на исчезающе малую часть всей дѣятельности человѣчества, направленной на борьбу съ природой. Но указываетъ вѣрно: для земледѣлія первый вопросъ: какъ ее воздѣлывать. Вопросъ, какъ воздѣлывать землю, распадается на два: какими орудіями? и какими пріемами? Оба вопроса чисто техническіе. Этимъ Толстой вѣрно указываетъ, что техника лежитъ въ основѣ благосостоянія и даже сохраненія жизни человѣка.

И дальше Толстой разсуждаетъ совершенно вѣрно: вопросъ въ томъ, какъ работать самому, „безъ угнетенія другихъ людей“. На этотъ вопросъ нѣтъ другого отвѣта какъ тотъ, что если не работать за счетъ силы людей, то надо работать за счетъ силъ природы. Мы можемъ указать даже на всемірно авторитетнаго предшественника Толстому въ этой мысли, а именно на Аристотеля. Въ своей „*πολιτικῆ*“ онъ высказываетъ эту мысль въ слѣдующихъ словахъ: „Если бы каждое рабочее орудіе могло исполнять свойственную ему работу просто по приказанію или по предчувствію, — если бы челноки ткача ткали сами собою, то хозяину не нужно было бы работниковъ, а господину — рабовъ“.

Но Толстой находитъ, что эта цѣль не достигается. Онъ говоритъ: „Мы очень радуемся и гордимся тѣмъ, что наша наука дастъ намъ возможность воспользоваться энергіей водопада и заставить эту силу работать на фа-

брикахъ, или тому, что мы пробили туннели въ горахъ и т. п. Но горе въ томъ, что эту силу водопада мы заставляемъ работать не на пользу людей (?), а для обогащенія капиталистовъ, производящихъ предметы роскоши или орудія человѣкоистребленія" (стр. 225) А кто же, спросимъ мы, производитъ всѣ предметы первой необходимости, такія, какъ соль, сахаръ, сукно, ситецъ, или орудія работы, начиная съ земледѣльческихъ машинъ и орудій? Здѣсь Толстой ослѣпленъ. Но дальше опять разсуждаетъ вѣрно, говоря: „Тотъ же динамитъ, которымъ мы рвемъ горы, чтобы пробивать въ нихъ туннели, мы употребляемъ для войны, отъ которой не только не хотимъ отказаться, но которую считаемъ необходимою и къ которой не переставая готовимся" (стр. 225).

Но выводъ, который отсюда Толстой дѣлаетъ,— опять натяжка: „побѣда надъ природой, утверждаетъ онъ, не только не увеличила благо людей, но, напротивъ, ухудшила ихъ положеніе" (стр. 256). Это утвержденіе совершенно голословное и недоказанное. Чтобы его доказать, Толстой долженъ былъ бы сравнить благосостояніе дикарей и народовъ культурныхъ, и доказать статистически, дѣлая экскурсіи и въ исторію. Но этого его пробѣла мы пополнять не будемъ, а замѣтимъ одно:

Замѣтимъ, что техника, со всѣми своими цѣлями, есть только *средство*. Это слуга, это инструментъ въ рукахъ всякаго, кто имъ пользуется. Неужели виноватъ перочинный ножъ въ томъ, что имъ убилъ одинъ гимназистъ другого? Вѣдь и голыми руками душатъ. Дѣло, значитъ, не въ томъ, чѣмъ убьешь, а въ 6-й заповѣди: „не убій". Орудіе потому орудіе, что оно не препятствуетъ, а наоборотъ, помогаетъ – добру или злу, безразлично.

Скажи мнѣ, какими орудіями ты работаешь, и я скажу, кто ты. Орудіе — это продолженіе и дополненіе нашихъ членовъ. Классическіе греки это поняли съ ясностью, свойственною имъ Ихъ слово ὄργανον означало вмѣстѣ и членъ (органъ) и орудіе Аристотель называетъ руку ὄργανον τῶν ὀργάνων, т.-е. членъ членовъ, или орудіе орудій. Такъ же можно назвать и всю технику.

Возвращаясь къ Толстому, мы опять становимся передъ цѣлымъ рядомъ открытыхъ вопросовъ. Мы видѣли, что онъ ставитъ одною изъ жизненныхъ задачъ человѣчества „воздѣлывать почву самому безъ угнетенія другихъ людей“. Такъ какъ воздѣлывать почву безъ орудій нельзя, то спрашивается: какія орудія Толстымъ дозволяются? соха? А плугъ? и какой: конный, паровой, электрическій? Но если соху еще можетъ сдѣлать крестьянинъ собственноручно, и то только, если у него есть свой лѣсной матеріалъ; а уже простой плугъ ему приходится купить. Значитъ, какъ же быть безъ обмѣна?

Техника есть приложеніе нашего знанія о жизни къ самой жизни, т.-е., съ одной стороны, къ сохраненію жизни (къ защитѣ), съ другой — къ расширенію жизни (къ нападенію). Все, что препятствуетъ жизни, есть зло и вредъ, что ей способствуетъ, есть добро и польза. *Техника есть средство борьбы со вредомъ и обращенія его въ пользу.* Толстой со своимъ ученіемъ о „непротивленіи злу“ выступаетъ разъ навсегда противъ всѣхъ вообще средствъ противленія, т.-е. борьбы, стало-быть и противъ всей техники во всѣхъ ея проявленіяхъ. Толстовское „непротивленіе злу“ подкапывается подъ всю „технику“, т.-е. подъ приложеніе къ жизни всего „знанія“. Поэтому, говоря о техникѣ, намъ здѣсь необходимо окончательно остановиться на этомъ его ученіи.

„Не противьтесь злу, сказалъ Христосъ, но если кто

тебя ударитъ по правой щекѣ, подставь лѣвую" (Мато. 5, 39). На этихъ словахъ основывается Толстой, и на первый взглядъ кажется, будто онъ дѣйствительно только ихъ развиваетъ; но не трудно доказать, что, наоборотъ, онъ имъ противорѣчитъ. Гнѣвному человѣку подставить щеку, — это прямое активное сопротивленіе и самое сильное: ничто лучше этого не отниметъ у гнѣва его жало Только Сердцевѣдецъ могъ преподать такой завѣтъ. Конечно, если ты физически сильнѣе нападающаго, то можешь, наоборотъ, его побить, но если ты слабѣе его, то все-таки въ твоемъ распоряженіи то средство. Благодаря ему, слабый владѣетъ сильнымъ. И Христосъ живымъ примѣромъ, на Себѣ, пояснилъ намъ истинное пониманіе Своего завѣта: когда въ храмѣ онъ нашелъ торгашей, то не сталъ пассивно ждать, пока они удалятся, а Самъ собственноручно ихъ изгналъ.

„Непротивленіе злу" Толстого — нѣчто совсѣмъ другое. Онъ говоритъ (въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ): отъ васъ жизнь требуетъ поклоняться тому-то. Если вы это считаете за зло, то не возражайте, но не кланяйтесь. Отъ васъ требуютъ воспитывать дѣтей такъ-то. Не возражайте, но не посылайте дѣтей въ школы Припомнимъ еще, что̀ нами сказано о томъ же въ первой главѣ настоящей книжки (стр. 17, 18, 19). Все ученіе Толстого сводится къ слѣдующему: передъ вами зло; а вы поступайте такъ, какъ будто бы передъ вамъ зла не было. Значитъ: если вы полководецъ, то не справляйтесь ни о силахъ непріятеля, ни о его тактикѣ, а идите впередъ, своей намѣченной дорогой, какъ будто бы передъ вами непріятеля не было вовсе. Но исторія намъ показываетъ, что̀ отсюда выходитъ. А выходитъ то, что вышло съ Петромъ Великимъ при нашествіи шведовъ: сражаясь съ ними по-толстовски, какъ Богъ

послалъ (Петръ былъ къ этому вынужденъ нападеніемъ шведовъ), онъ потерпѣлъ Нарвское пораженіе. Но онъ себѣ сказалъ фразу, знаемую каждымъ гимназистомъ: „ихъ побѣда выучитъ насъ ихъ же побѣждать". Такъ и вышло: усвоивъ себѣ тактику и стратегику непріятеля, Петръ его на голову разбилъ подъ Полтавой.

Христово „непротивленіе злу" есть только развитіе общей характеристики міра сего, неоднократно Имъ повторенной въ слѣдующихъ словахъ: „Имущему дастся и пріумножится, а у неимущаго отнимется и то, что имѣетъ" (Матѳ. 13, 12; 25, 28; Марка 4, 25). Въ этой короткой формулѣ — ключъ къ уразумѣнію самой сути міра и самой основной ткани тѣхъ силъ, изъ которыхъ слагается наша жизнь. Въ самомъ дѣлѣ: что̀ говорятъ приведенныя слова Христа? Они говорятъ, что у кого сила, тотъ ей и пользуется, все равно какая сила: физическая или духовная, нравственная или безнравственная. Они говорятъ, что сильный задавитъ слабаго, что богатый купитъ бѣднаго, его тѣло и душу. Они говорятъ, что хорошо вооруженная и дисциплинированная армія побѣдитъ плохую, что большое предпріятіе выгоднѣе малаго; что въ случаѣ конкуренціи малый собственникъ теряетъ собственность и переходитъ батракомъ къ крупному. Они говорятъ, что передъ большой славой малая меркнетъ, и что теплая вода передъ горячей кажется холодной. Они говорятъ, что пудовая гиря пересилитъ фунтовикъ, и что сильный магнитъ не только всѣ опилки перетянетъ со слабаго, но и его самого. Они говорятъ, что сѣрная кислота вытѣсняетъ уксусную; что камень падаетъ на землю, а не луну; что „противъ рожна не пойдешь", что вода въ самой извилистой рѣкѣ течетъ все-таки по кратчайшему пути. Они говорятъ, что при 100-сильной паровой машинѣ

каждая сила стóитъ дешевле, чѣмъ при 10-сильной, что человѣкъ съ хорошими способностями и сильной волей преуспѣетъ передъ человѣкомъ неодареннымъ и безхарактернымъ; что электричество потечетъ отъ тѣла съ высшимъ потенціаломъ и тепло — отъ тѣла высшей температуры; что болѣе приспособленная особь вытѣснитъ менѣе приспособленную.

Словомъ, приведенной формулѣ Христа повинуется не только міръ человѣческій, но и міръ звѣриный, растительный и минеральный, земной и надзвѣздный. Ей повинуется вся жизнь во всѣхъ доступныхъ намъ проявленіяхъ, и вся наша наука, удивительнымъ образомъ, есть не болѣе какъ подробная иллюстрація Его закона: „имущему дастся и пріумножится, а у неимущаго отнимется и то, что имѣетъ“. Не удивительно, что вышеприведенная языческая формула „do ut des“, сама по себѣ охватывающая весь міръ, есть опять не болѣе какъ перифраза Христовой формулы міра.

На этой формулѣ выросло древо познанія добра и зла, такъ развѣтвившееся въ наше время. Добро и зло, польза и вредъ — все разъяснилось. Какъ бы ни было временно, преходяще и текуче наше пониманіе добра и зла, пользы и вреда, одно утверждено безповоротно отнынѣ и до вѣка, а именно: если добро и польза желательны, если желательна побѣда добра и пользы надъ зломъ и вредомъ, то для этого необходимо поставить добро и пользу въ положеніе „имущаго“, т.-е. его вооружить, дать ему оружіе въ руки, активное средство для борьбы со зломъ и со вредомъ. Вотъ что говоритъ Христова формула и языческое „do ut des“.

Но вопросомъ о добрѣ занимается *этика*, а вопросомъ о пользѣ — *техника*. Вотъ точка прикосновенія этихъ двухъ сестеръ. Поскольку согласуются между

собою цѣли добра и пользы, или поскольку они временами расходятся, постольку сходятся или не сходятся между собою этика и техника. На этой интересной и новой почвѣ можно развить весьма любопытныя разсужденія, проливающія довольно неожиданный свѣтъ на эту, еще темную, область. Но здѣсь будетъ цѣлесообразнѣе въ нихъ не вдаваться, а отложить это до болѣе удобнаго случая, напримѣръ, если на то вызоветъ полемика. Наше, и безъ того слишкомъ отвлеченное, разсужденіе назначено только провести еще одну границу *техники*, на которую, кажется, еще никто не указывалъ.

Но вотъ мы переходимъ къ вопросу о томъ, *гдѣ, въ нашей современной жизни, мы находимъ технику?* Здѣсь читатель навѣрно подумаетъ о фабрикѣ. Но не тамъ только Читая эти строки, вы, снисходительный читатель, вѣроятно, сидите въ комнатѣ, или въ вагонѣ, или на пароходѣ, можетъ-быть, въ саду на лавочкѣ. Оглянитесь же вокругъ себя. Куда взоръ ни упадетъ, вездѣ вы встрѣтите произведенія техники: она васъ одѣла и накормила, она создала вокругъ васъ природу искусственную, болѣе приспособленную къ вашимъ хотѣніямъ, чѣмъ природа естественная: на дворѣ темно, сыро и холодно, а въ комнатѣ, вагонѣ и каютѣ свѣтло, сухо и тепло.

Значитъ, техника, въ извѣстномъ отношеніи, дополняетъ естественную эволюцію и обратна ей: естественная эволюція состоитъ въ томъ, что хотѣнія (потребности) приспособляются къ природѣ, тогда какъ техника, наоборотъ, приспособляетъ природу къ хотѣніямъ.

Археологъ и этнографъ, желая выяснить культурное состояніе какого-нибудь народа, тщательно собираютъ произведенія его техники: орудія, оружіе, одежды и жилища, предметы домашняго обихода и общенія между

людьми, письменные и иные памятники, предметы религіознаго культа и пр., — и по нимъ строятъ вѣрную картину его духовной культуры, т.-е. его міровоззрѣнія, его религіозныхъ и правовыхъ понятій, общественныхъ учрежденій, семейныхъ отношеній, обычаевъ и пр.

Созданія техники, во всей совокупности, можно съ полнымъ правомъ назвать *культурой вещественной*.

Одною изъ основныхъ задачъ техники всегда была и до сихъ поръ есть, — *облегчать общеніе* между людьми, народами, странами и материками. Начиная отъ простой телѣги и кончая паровозами, пароходами, телеграфами и телефонами (а въ XX вѣкѣ, вѣроятно, воздухоплаваніемъ) — все этой цѣли служитъ. (На это мимоходомъ указываетъ и Толстой, см. стр. 208). Техникъ пролагаетъ человѣческіе пути черезъ овраги, рѣки и моря, сквозь горы, пустыни и дремучіе лѣса. Но и духовному общенію служитъ опять-таки техника: ничто въ этомъ не сравнится съ книгопечатаніемъ. Упрекъ Толстого, будто „всякая побѣда надъ природой неизбѣжно послужитъ только къ увеличенію этой власти (меньшинства надъ большинствомъ) и этого угнетенія“ (стр. 256) — приложимъ ко временамъ до изобрѣтенія книгопечатанія. Съ этого же времени, наоборотъ, всякое техническое нововведеніе становится достояніемъ массы. Это дѣйствіе книгопечатанія обстоятельно доказано на историческихъ фактахъ Шерцеромъ, фонъ-деръ-Линде, Пишономъ и другими изслѣдователями. Фонъ-деръ-Линде даже совѣтуетъ историкамъ считать конецъ среднихъ вѣковъ и начало новаго времени съ изобрѣтенія книгопечатанія.

Названные писатели подчеркнули и еще одно культурное вліяніе печати: живое слово Реформаціи только въ книгопечатаніи пріобрѣло необходимую силу для борьбы съ мракобѣсіемъ католичества. А до изобрѣтенія книго-

печатанія Реформація была въ положеніи вынужденнаго *непротивленія злу*, и потому не распространялась, несмотря на то, что искренность и краснорѣчіе какого-нибудь Джіордано Бруно или Іоанна Гуса отнюдь не уступали тѣмъ же качествамъ Лютера и Кальвина. Но слова Бруно и Гуса слышали только окружающіе, тогда какъ слова Лютера и Кальвина читаются до сихъ поръ цѣлыми народами. Къ этому замѣчанію мы, отъ себя, еще напомнимъ, что Бруно и Гусъ во цвѣтѣ лѣтъ возведены были на костеръ, а Лютеръ и Кальвинъ благополучно дожили до старости и мирно скончались въ постелѣ. Отсюда мы дѣлаемъ тотъ выводъ, что до изобрѣтенія книгопечатанія, проповѣдники, для усиленія своей проповѣди дѣломъ, должны были восходить на эшафотъ, тогда какъ послѣ изобрѣтенія печати, и особенно *въ наше гуманное время*, проповѣдники мирно доживаютъ до старости, на пользу и себѣ и людямъ. Быть-можетъ, Толстой, въ этомъ, согласится съ нами? Amicus Plato, sed magis amica Veritas!

Необходимо коснуться еще одного мнѣнія Толстого. По его словамъ идеаломъ техники выставляется, „что трудъ человѣческій будетъ почти весь замѣненъ утилизированными силами природы“ (стр. 227). Отъ этого идеала едва ли кто изъ техниковъ отречется, какъ бы ни считалъ далекимъ его достиженіе. Выводъ же, который отсюда дѣлается Толстымъ, опять поражаетъ односторонностью: „трудиться же человѣку почти не будетъ надобности, такъ что всѣ люди будутъ въ состояніи предаваться той самой *праздности*, которой теперь предаются высшіе властвующіе классы“ (стр. 227). Самъ же Толстой совѣтуетъ работать такъ, чтобы „не угнетать другихъ людей“, а когда ему показываютъ, куда этотъ совѣтъ ведетъ, то онъ его же осуждаетъ.

Всякая замѣна людского труда работою природы сокращаетъ трудъ и увеличиваетъ досугъ. Это ясно. Но отсюда нисколько не ясно, будто этотъ досугъ человѣкъ долженъ обратить на праздность, а не на достиженіе какихъ-либо иныхъ цѣлей. Исторія мануфактурной промышленности, особенно въ Англіи въ концѣ прошлаго вѣка и въ первой половинѣ текущаго, показываетъ, что со введеніемъ каждаго улучшеннаго станка дѣйствительно выбрасывались на улицу цѣлыя полчища рабочихъ. Но она же показываетъ, что эти рабочія силы вскорѣ получали примѣненія на той же промышленности, благодаря ея ускоренному росту.

Въ апрѣлѣ 1885 года пишущій эти строки послалъ Толстому письмо съ возраженіями на одно его сочиненіе, отвѣчающее на вопросъ, что́ нужно дѣлать, чтобы жить нравственно. Въ отвѣтъ на это письмо авторъ получилъ отъ Толстого письмо (отъ 9 апрѣля 1885), которое, конечно, хранитъ какъ зѣницу ока. Въ немъ Толстой, между прочимъ, пишетъ: „Я получаю много писемъ такого же содержанія какъ ваше, но ваше обстоятельнѣе прочихъ. И мнѣ очень дорого имѣть въ виду тѣ возраженія, которыя вы мнѣ дѣлаете“. Замѣтимъ, что тѣ возраженія были, въ общихъ чертахъ, тѣ же, что́ и въ настоящей книжкѣ. Остается только пожалѣть, что ихъ приходится повторять черезъ 13 лѣтъ!

Но авторъ настоящаго очерка чувствуетъ нравственную обязанность разсказать еще одинъ эпизодъ: въ 1897 году имъ была издана книжка, заключающая въ себѣ тѣ совѣты изобрѣтателямъ, которые ему, на основаніи многолѣтняго общенія съ изобрѣтателями, казались полезными лицамъ, вступающимъ на этотъ скользкій путь. Эти совѣты заслужили одобреніе уважаемаго Нестора нашей литературы и повели къ свиданію съ нимъ.

Излишне описывать неотразимость внушаемаго этимъ человѣкомъ впечатлѣнія, побѣждающую простоту этихъ глазъ, сердечную искренность словъ! Все это идетъ отъ сердца къ сердцу. Авторъ тѣмъ болѣе постарался запечатлѣть все это въ своей душѣ, что среди разговора выяснилось, что этому первому свиданію суждено было быть и послѣднимъ. Вышло это такъ: зашла рѣчь о техникѣ. Собесѣдникъ Толстого замѣтилъ, что за послѣдніе 25 лѣтъ въ Германіи проявилось новое теченіе философской мысли, названное тамъ „философіею техники“. На это Толстой поспѣшилъ возразить: „Кчему философствовать о теперешней техникѣ? вотъ задача философіи техники: выяснить, во что́ бы превратилась техника, еслибы жизнь человѣческая, съ самаго начала, пошла нравственно“. Зная, изъ прежнихъ сочиненій Толстого, что послѣднее слово говоритъ о томъ, чтобы человѣчество пошло, какъ поѣздъ, обратнымъ ходомъ, собесѣдникъ Толстого почувствовалъ, что на этой точкѣ кончилось всякое взаимное пониманіе, и въ глубинѣ души его (признаваться, такъ во всемъ), — зашевелилось что́-то въ родѣ вражды къ Толстому, и даже больше.... Не желая разрушать въ себѣ любовь къ Толстому, какъ художнику, собесѣдникъ его поспѣшилъ встать и откланяться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Искусство.

Толстой всегда былъ первоклассным художникомъ. Никакія его соціальныя и богословскія сочиненія не измѣнили этой его культурной роли.

Будучи художникомъ, неудивительно, что въ разбираемой книгѣ онъ удѣляетъ пять шестыхъ объема искусству и только послѣднюю шестую — наукѣ съ техникой. Если же мы здѣсь поступаемъ наоборотъ, то на это имѣемъ двѣ вѣскія причины: во-первыхъ, Толстой же находитъ, что въ прогрессѣ культуры наука идетъ впереди искусства. Мы на это указывали въ началѣ первой главы. Во-вторыхъ, Толстой такъ обстоятельно разработалъ свое ученіе объ искусствѣ, столько перечелъ эстетовъ и художниковъ и столько авторитетовъ разбираетъ, что дѣло въ подробностяхъ вполнѣ выяснено. Остается сказать немногое. Наоборотъ, говоря о наукѣ, Толстой, какъ мы знаемъ, не опирается ни на одного авторитета, а приводитъ слова человѣка, который этими самыми словами потерялъ всякій авторитетъ. Пришлось, стало-быть, о наукѣ намъ входить въ подробности.

Вотъ основной взглядъ Толстого на искусство: оно „есть необходимое для жизни и для движенія къ благу

отдѣльнаго человѣка и человѣчества средство общенія людей, соединяющее ихъ въ однихъ и тѣхъ же чувствахъ" (стр. 60). Искусство есть „одно изъ условій человѣческой жизни" (стр. 57) Ближайшее опредѣленіе Толстой заимствуетъ у Верона и дополняетъ его. По Верону, „Искусство есть проявленіе во внѣ, посредствомъ линій, красокъ, жестовъ, звуковъ, словъ,—эмоцій, испытанныхъ человѣкомъ" (стр. 55). Къ этому опредѣленію Толстой прибавляетъ два требованія: 1-е то, чтобы проявленіе чувствъ было „сознательно", 2-е, чтобы другіе люди „заражались этими чувствами и переживали ихъ" (стр. 60).

Затѣмъ, въ заключеніе статьи объ искусствѣ, Толстой ставитъ впереди искусства науку. „Наука истинная изучаетъ и вводитъ въ сознаніе людей тѣ истины, знанія, которыя людьми извѣстнаго времени и общества считаются самыми важными. Искусство же переводитъ эти истины изъ области знанія въ область чувства. И потому, если путь, по которому идетъ наука, ложенъ, то такъ же ложенъ будетъ и путь искусства" (стр. 221). „Опредѣляетъ же для людей степень важности, какъ чувствъ, передаваемыхъ искусствомъ, такъ и знаній, передаваемыхъ наукой, религіозное сознаніе извѣстнаго времени и общества, т.-е. общее пониманіе людьми этого времени и общества назначенія ихъ жизни" (стр. 221). „Въ наше время общее религіозное сознаніе людей есть сознаніе братства людей и блага ихъ во взаимномъ единеніи. Истинная наука должна указать различные образы приложенія этого сознанія къ жизни. Искусство должно переводить это сознаніе въ чувство" (стр. 231). Еще лучше опредѣляетъ Толстой то, что такъ симпатично разумѣетъ подъ словомъ „религіозное сознаніе" въ слѣдующихъ словахъ: „Религіозное сознаніе нашего времени въ самомъ общемъ практическомъ приложеніи его

есть сознаніе того, что наше благо и матеріальное, и духовное, и отдѣльное, и общее, и временное, и вѣчное, заключается въ братской жизни всѣхъ людей, въ любовномъ единеніи нашемъ между собою“ (стр. 177 и 178).

Какъ сердечны и теплы эти слова! Но разогрѣтый ими читатель вдругъ наталкивается у Толстого на такой незаслуженно холодный отзывъ о Пушкинѣ, который, особенно читателя русскаго, прямо возмущаетъ. Но возмущеніе переходитъ въ недоумѣніе отъ того, что про Пушкина Толстой говоритъ двѣ вещи, противорѣчащія одна другой. Въ самомъ дѣлѣ: то оказывается, что „нашъ Пушкинъ“ написалъ хотя произведенія „разнаго достоинства“ (что мы всегда и знали), но все-таки „все произведенія *истиннаго искусства*“ (стр. 136). То вдругъ оказывается наоборотъ, „что вся заслуга его (Пушкина) только въ томъ, что онъ писалъ стихи о любви, часто очень неприличные“ (стр. 201). Даже Толстой разсказываетъ, какъ „на-дняхъ“ къ нему заходилъ „изъ Саратова грамотный мѣщанинъ“, непонимающій, вмѣстѣ съ Толстымъ, за что́ Пушкину поставленъ памятникъ. Но намъ если что́ непонятно, такъ это непониманіе. За что́ памятникъ поставленъ, сказано на цоколѣ памятника,—тамъ высѣчены слова Пушкина:

„И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что *чувства добрыя* я лирой пробуждалъ“.

И если тотъ „грамотный мѣщанинъ“ оказался недовольно грамотнымъ, чтобы прочесть эту надпись, то Толстой долженъ былъ ему ее прочесть, тѣмъ болѣе, что эти слова, какъ по мѣркѣ, подходятъ подъ толстовскую формулу истиннаго искусства. Или Толстому не случилось прочесть „Евгенія Онѣгина“, „Русалку“, „Полтаву“, „Братья разбойники“, Сказки, Пѣсни западныхъ славянъ и пр.?

Далѣе, говоря о послѣднихъ сочиненіяхъ Беетговена, Толстой находитъ, что это не искусство. Пусть такъ: пишущій эти строки отъ многихъ именитыхъ музыкантовъ слышалъ, что нѣкоторыя Беетговенскія вещи этого періода и на нихъ не дѣйствуютъ. Такъ и скажи. Но то основаніе, которымъ Толстой хочетъ подтвердить свое сужденіе, не выдерживаетъ критики. Онъ говоритъ: разъ Беетговенъ оглохъ, то и не могъ слышать исполненіе своихъ вещей. Это правда. Но выводъ отсюда ложенъ: „воображаемые звуки, продолжаетъ Толстой, никогда не могутъ замѣнить реальныхъ, и всякій композиторъ долженъ слышать свое произведеніе, чтобы быть въ состояніи отдѣлать его“ (стр. 137). Здѣсь Толстой вдвойнѣ грѣшитъ: во-первыхъ, онъ ставитъ всякаго композитора, за одно ужъ и Беетговена, не выше гоголевскаго Петрушки, который только тогда могъ понимать печатную рѣчь, когда самъ читалъ вслухъ; во-вторыхъ, Толстой видно не знаетъ, что огромное большинство оркестровыхъ и хоровыхъ сочиненій, симфоній и оперъ печатаются въ отдѣланномъ видѣ, написанныя за письменнымъ столомъ, безъ прочтенія вслухъ черновиковъ оркестрами и хорами.

Но вотъ Толстой ратуетъ противъ Вагнера, и на этотъ разъ правильно. Пишущій эти строки не свое мнѣніе выставляетъ а вотъ что: въ Германіи, 20 лѣтъ молившейся на Вагнера, вкусъ къ нему теперь быстро падаетъ. Это всѣ знаютъ. Мода держится больше въ Парижѣ, да и то не идетъ въ гору, а держится на одномъ уровнѣ, а это доказываетъ, въ этой странѣ всяческихъ модъ, что въ одинъ прекрасный сезонъ мода на Вагнера и тамъ мгновенно исчезнетъ изъ сферы летучихъ парижскихъ actualités. Что же до Россіи, то хотя Сѣровъ, Н. Рубенштейнъ и другіе нѣмцолюбцы успѣшно

привили и у насъ эту моду, но только на концертныхъ выдержкахъ. А какъ только всѣмъ памятныя антрепризы перевезли къ намъ Нибелунговъ цѣлыми поѣздами, то русскіе критики тотчасъ же и признали, что Нибелунги — настоящіе карлики, что великаны, съ Фафнеромъ во главѣ — идіоты (совершенно согласно Вагнеру), а боги, съ Вотаномъ во главѣ — безнравственные и мелкіе мошенники. (Вспомните только, какъ въ Рейнгольдѣ Вотанъ съ унизительнымъ подвохомъ грабитъ у Альбериха украденное послѣднимъ золото).

Еще возбуждаютъ недоумѣніе отзывы Толстого о Рафаэлѣ, Шекспирѣ и т. п. художникахъ. Но для того, чтобы разъяснить это недоразумѣніе, необходимо войти въ нѣсколько отвлеченное разсужденіе. Разсужденіе это выяснитъ и нѣкоторый пробѣлъ, который намъ видится въ теоріи искусства, развитой Толстымъ. Приступаемъ къ нему.

Отрѣшимся на время отъ авторитетовъ, отъ любимыхъ художниковъ, отъ великихъ и малыхъ именъ. Пишущій эти строки однажды ѣхалъ въ поѣздѣ съ покойнымъ русскимъ скульпторомъ Лансере. Послѣдній признался, что бывавши въ Троицкой Лаврѣ, въ игрушечныхъ лавкахъ, среди массы копеечныхъ деревянныхъ святыхъ, коньковъ, солдатиковъ, его вдругъ поражала геніально-жизненно вырѣзанная фигурка. Вотъ объ этомъ впечатлѣніи, о томъ, что́ называется въ искусствѣ *правдой* мы и говоримъ.

Читая, слушая или созерцая художественное произведеніе, я подвергаюсь очень сложному переживанію: я сострадаю героямъ, люблю, ненавижу, заражаюсь вообще всевозможными чувствами (эмоціями), вступаю въ духовное общеніе съ авторомъ и люблю его, наслаждаюсь красотою формы, звуковъ, мыслей. Это все подмѣчено

Толстымъ. Но сверхъ всего этого происходитъ въ моей душѣ *еще нѣчто*, очень важное: *я обсуждаю* произведеніе, я различаю, что́ есть въ немъ вѣроятнаго, правдоподобнаго, вымышленнаго, что́ естественно и что́ натяжка, и т. п. Словомъ, я обсуждаю художественное произведеніе, *какъ быль*, и справедливо говорятъ многіе эстеты, что великое произведеніе искусства только тогда и велико, когда его можно обсуждать, какъ быль

Здѣсь искусство соприкасается съ наукой, и пишущему эти строки неизвѣстно, освѣщена ли, и достаточно ли освѣщена эта пограничная область, общая обоимъ.

Дѣло вотъ въ чемъ: наука передаетъ, какъ говорятъ, истину. Но мы, послѣ разъясненій, собранныхъ во 2-й главѣ, лучше откажемся отъ слова „истина“, для большей ясности разсужденій, и скажемъ такъ: наука передаетъ *пониманіе* явленій или фактовъ. Но дѣло въ томъ, что и *искусство тоже передаетъ пониманіе фактовъ*. Лучше всего это видно въ области человѣческихъ отношеній, т.-е. жизни какъ личности, такъ и общества. Донъ-Кихотъ, Гамлетъ, Фаустъ, Піерръ, Обломовъ, это такіе же разряды людей, какъ ворона, лисица, стрекоза, — разряды животныхъ, ель, крыжовникъ, грибъ — разряды растеній. Они облегчаютъ намъ пониманіе людей. Ихъ называютъ характерами и типами.

Такихъ характеровъ и типовъ находится масса у Шекспира, Зола, Бурже, Достоевскаго, Толстого, Тургенева и пр., и наука зачастую ими пользуется. Оттого, напр., психологи черпаютъ широкой рукой примѣры у Шекспира; оттого психіатръ Чижъ написалъ цѣлое сочиненіе „Достоевскій, какъ психопатологъ“; оттого историкъ Карѣевъ подчеркнулъ и научно обосновалъ впервые подмѣченную Толстымъ (см. „Война и Миръ“) соціальную силу массъ, слагающуюся изъ безконечно малыхъ лич-

ныхъ побужденій. Все это показываетъ, что по нѣкоторому пути наука и искусство идутъ рука объ руку. Постараемся же выяснить по какому пути?

И художникъ „понимаетъ“ и ученый тоже. Но въ чемъ разница въ пониманіи того и другого? Или разницы нѣтъ? И одинаково или разно понимаютъ они и одни ли предметы или разные? Вотъ вопросы, на которые постараемся дать отвѣты.

Пониманіе художника и ученаго бываетъ одинаково вѣрно, мѣтко и глубоко. Но есть разница, и разница въ способѣ понимать и въ способѣ выразить и передать свое пониманіе. *Художникъ понимаетъ чутьемъ, ученый — умомъ. Въ этомъ разница.* Разница, стало-быть, въ органѣ. Пониманіе художника называется догадкой, интуиціей, инстинктомъ, чутьемъ, чувствомъ. Пониманіе ученаго (мыслителя) называется разсужденіемъ, логикой, отвлеченіемъ, разсудкомъ. Форма, въ которую выливается художественное пониманіе, есть образъ, примѣръ, характеръ, типъ. Форма научнаго пониманія есть символъ, понятіе, сужденіе, умозаключеніе.

Возьмите какое хотите художественно-литературное произведеніе и какой хотите научный трактатъ, вездѣ вы увидите, что въ авторѣ и того и другого художникъ чередуется съ мыслителемъ и наоборотъ: тамъ, гдѣ писатель начинаетъ разсуждать, — онъ дѣлается мыслителемъ; разъ ученый приводитъ примѣръ, — онъ дѣлается художникомъ.

Обобщаетъ и ученый и художникъ. Только обобщенія ученаго называются представленіями и понятіями, а обобщенія художника называются характерами и типами.

Когда ученый создаетъ новое понятіе, новый законъ, онъ начинаетъ, какъ художникъ, съ интуиціи. Является гипотеза. Потомъ онъ перерабатываетъ гипотезу мышле-

ніемъ, по научному. Но художественный элементъ не исчезаетъ. Возьмемъ для примѣра разобранный въ 1-й главѣ законъ всемірнаго притяженія Ньютона. Въ немъ видны оба элемента: *наглядный художественный образъ* невидимой но реальной силы, дѣйствующей между тѣлами черезъ космическое пространство и *научная умственная формула* количественнаго дѣйствія этой силы.

На вопросъ о томъ, всѣ ли вещи одинаково понимаются и по художественному и по научному, приходится сказать: нѣтъ, не всѣ. Но чтобы не вдаваться въ подробности, неудобныя въ настоящемъ сочиненіи, мы ограничимся только слѣдующимъ замѣчаніемъ: истинная сфера художественнаго пониманія, это „качество вещей", т.-е. то, чѣмъ и какъ вещи дѣйствуютъ на чувства: цвѣтъ, теплота, форма, красота, величіе, комизмъ и т. д.; наоборотъ „количественныя отношенія", вотъ истинная сфера ума, т.-е. научнаго пониманія. Оттого ученый, напр., физикъ, тамъ, гдѣ имѣетъ дѣло съ качествами, всѣми силами переводитъ эти отношенія на языкъ количества, — и, по скольку переводитъ, постольку разсуждаетъ научно.

Поскольку писатель, кто бы онъ ни былъ, передаетъ свои душевныя состоянія конкретными образами и примѣрами, дѣйствующими на чувство и воображеніе, — онъ художникъ. Поскольку онъ ихъ передаетъ разсужденіями, дѣйствующими на умъ, — онъ мыслитель.

Но и на этомъ дѣйствіе читаемаго не оканчивается: какъ читаемые образы, приведя въ броженіе душу читателя, непремѣнно возбуждаютъ въ немъ мысли, такъ наоборотъ, и читаемыя мысли непремѣнно вызовутъ въ душѣ читателя образы и чувства. И то и другое есть неминуемое послѣдѣйствіе хорошихъ сочиненій.

Такимъ образомъ, воздѣйствіе сочиненія на читателя

мы раздѣляемъ на непосредственное дѣйствіе и послѣдѣйствіе. Первое — это то самое, что передаетъ писатель; второе — это результатъ въ читателѣ, вызванный внутренней въ немъ работой, начатой первымъ непосредственнымъ дѣйствіемъ.

Мы говорили только о литературѣ, это именно потому, что человѣческому слову доступна передача и образовъ и разсужденій. Но въ убывающей прогрессіи вышесказанное примѣнимо и къ остальнымъ искусствамъ.

Разобравъ такимъ образомъ воздѣйствіе художественнаго произведенія на человѣка, его созерцающаго, мы должны подчеркнуть еще нѣкоторый оттѣнокъ этого процесса, о которомъ Толстой не упоминаетъ. Онъ говоритъ просто, что зритель-слушатель (котораго для краткости мы назовемъ созерцателемъ) заражается чувствами сочинителя. Въ эту формулу Толстого мы внесли первую поправку, состоящую въ томъ, что на дѣлѣ передаются не только чувства, но и мысли.

Теперь внесемъ вторую поправку, указывая на то, что воспріятіе красоты, т.-е. эстетическая эмоція, есть вѣдь тоже одна изъ эмоцій, одно изъ чувствъ. Сталобыть, искусство, передавая разныя чувства, естественно передаетъ и эстетическое чувство, т.-е. воспріятіе красоты. И совершенно непонятно, почему Толстой, выставляя предметомъ передачи искусства чувство вообще, для эстетическаго чувства дѣлаетъ исключеніе, устраняя красоту изъ сферы искусства?

Но въ приведенную формулу Толстого мы внесемъ еще и третью поправку, касающуюся самаго „зараженія“. Изъ словъ Толстого кажется, будто авторъ въ своемъ произведеніи, какъ въ стаканѣ, подноситъ какое-то вещество созерцателю, который это вещество глотаетъ. И такимъ взглядомъ смотрятъ очень многіе. Это не вѣрно:

авторъ заражаетъ созерцателя только тѣмъ, что́ уже лежитъ въ душѣ у созерцателя. Художественное произведеніе дѣлаетъ только одно: оно *встряхиваетъ нутро* созерцателю, встряхиваетъ то, что уже лежитъ въ его нутрѣ. Оттого всякое произведеніе всякаго искусства, всякаго времени и народа только на тѣхъ людей дѣйствуетъ, которые, въ своей предшествующей жизни, въ воспитаніи всей своей расы, имѣли подходящій опытъ. Оттого людямъ интеллигентныхъ народовъ и слоевъ общества *понятно* искусство мужика или дикаря, но не наоборотъ: мужикъ или дикарь, изъ культурнаго искусства, пойметъ только то, т.-е. заразится только тѣмъ, въ чемъ ему сообщила опытъ его болѣе ограниченная жизнь и тѣсный кругъ его потребностей и ихъ удовлетворенія.

Совершенно то же можно сказать про научную передачу. Среди простого народа есть несомнѣнно геніальные люди, дѣлающіе положительныя открытія, ничѣмъ не уступающія научнымъ*).

И что же? Какъ бы плохо и безсвязно простолюдинъ ни выразилъ свою мысль, человѣкъ образованный его пойметъ, потому что образованный человѣкъ, это значитъ такой, который обладаетъ болѣе широкимъ опытомъ. Но наоборотъ, когда спеціалистъ задается цѣлью передать свои мысли неспеціалистамъ, что называется популяризировать свои познанія, то долженъ быть крайне

*) Вотъ примѣръ. Если не ошибаюсь, въ 70-хъ годахъ ботаники сдѣлали открытіе: ржавый налетъ на злакахъ оказался тѣмъ же грибкомъ, который встрѣчается на листьяхъ барбариса. Но ботаники сдѣлали и еще поразившее всѣхъ открытіе, а именно, что подмосковные крестьяне это давно поняли (догадкой, значитъ какъ художники) и давно знаютъ, что не слѣдуетъ разводить барбарисъ вблизи полей.

разборчивъ въ выраженіяхъ, употребляя только такія, которыя входятъ въ кругъ опыта простолюдина. Только при этомъ условіи популяризація достигнетъ своей цѣли, т.-е. возбудитъ въ публикѣ тѣ же мысли и чувства, которыя хотѣлъ возбудить авторъ. Только при этомъ условіи читатель пойметъ сочинителя, ученикъ — учителя, созерцатель — автора. Только при этомъ условіи возможно духовное общеніе между людьми.

Въ виду сказаннаго ясно, что слово „зараженіе", употребленное Толстымъ, картинно и выдаетъ въ немъ художника, но оно неточно. Лучше сказать такъ: художественное произведеніе *возбуждаетъ* въ созерцателѣ чувства, сходныя съ тѣми, которыя испытывалъ сочинитель.

„Lire, c'est traduire" („читать,— это переводить") сказалъ Jules Lemaître и довольно вѣрно. Еще вѣрнѣе сказать: „читать,— это творить". Читаемое направляетъ наши мысли и чувства на новые пути, пролагаетъ новые рельсы, по выраженію Толстого. Но что это значитъ? Это значитъ то, что прежній запасъ чувствъ и мыслей („слѣды" по Бенеке), въ душѣ читателя вступаетъ въ новыя психическія соединенія. Вотъ и все. Но, не смотря на кажущееся давленіе снаружи, это есть внутренняя творческая работа. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что усталый умъ, въ которомъ творчество молчитъ, неспособенъ понимать читаемое,— что конечно каждый знаетъ по себѣ.

Сгруппируемъ же все, что нами сказано объ искусствѣ, въ сопоставленіи съ наукой. Художникъ обращается къ чувству, ученый — къ разсудку. Искусство поражаетъ воображеніе, наука — мысль. Орудіе искусства есть образъ и происшествіе, орудіе науки — понятіе и разсужденіе. Предметъ же и того и другого есть пониманіе

дѣйствительности; только органъ пониманія художника есть чутье, органъ пониманія ученаго — разсудокъ. Но, какъ художникъ, въ теченіе своей работы, дѣлается по временамъ мыслителемъ, такъ же и ученый — художникомъ. Высшее же пониманіе, то, что называется „идея“, есть слитіе обѣихъ половинъ воедино*).

Не трудно видѣть, что формула Толстого, по которой искусство передаетъ только чувства (эмоціи), есть частный случай приведенной общей формулы. Авторъ переживаетъ эмоціи, а созерцатель его произведенія ихъ понимаетъ эмоціонально же, т.-е. на основаніи прежнихъ своихъ переживаній, переживаетъ эмоціи, болѣе или менѣе сходныя съ авторскими. Вотъ формула Толстого во всей ея полнотѣ.

Оттого, что Толстой взглянулъ на дѣло только подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, онъ, какъ и большинство эстетовъ, увидѣлъ въ предметѣ искусства только чувства. Но, какъ достаточно доказано выше, *искусство, не только даетъ намъ случай наслаждаться, оно насъ тоже учитъ*. Увидѣвъ это, Толстой бы не игнорировалъ Рафаэля, Микель Анджело, Шекспира, не отрекался бы (въ 80-хъ годахъ) и отъ своихъ собственныхъ художественныхъ произведеній, въ которыхъ онъ оставилъ міру кладязь всяческой красоты, всякихъ чувствъ и всякаго поученія.

Тутъ, къ слову, нельзя не бросить по адресу Толстого и еще одного упрека: его художественныя произведенія обнаруживаютъ въ немъ феноменальное художественное чутье, которое „чуетъ правду“; то чутье,

*) Напомнимъ читателю, что во 2-й главѣ всякая умственная работа, какъ ученаго, такъ и художника, изображена какъ „производство умственныхъ опытовъ (экспериментовъ)“.

про которое Некрасовъ, по словамъ Достоевскаго (см. „Дневникъ Писателя“) сказалъ про Толстого же, что „у этого офицера какая-то совершенно новая правда“. И что же? Съ 80-хъ годовъ въ Толстомъ, на нашихъ глазахъ, совершился переломъ: не то, чтобы это чутье въ немъ заглохло, совсѣмъ нѣтъ, и „Смерть Ивана Ильича“ и „Крейцерова соната“ достаточно его доказываютъ; доказываютъ и тѣ положительныя требованія отъ искусства, которыя Толстой ставитъ въ разбираемомъ послѣднемъ своемъ сочиненіи и которыми мы закончимъ нашъ очеркъ.

Но переломъ въ Толстомъ наступилъ тотъ, что онъ самъ вдругъ презрѣлъ этотъ высшій, рѣдчайшій и полезнѣйшій даръ небесъ, и во что бы то ни стало возжаждалъ другой славы, славы мыслителя, ученаго, буквоѣда. Къ чему? Лучше бы онъ оставилъ это тупое тяжелое угловатое орудіе меньшимъ себя, лишеннымъ этого природнаго свѣта („ces lumières naturelles“, по выраженію Декарта и Паскаля), этого глаза, видящаго въ темнотѣ. Ему ли всѣми силами зажимать этотъ безцѣнный глазъ, достояніе немногихъ? Ему ли выгонять моль изъ библіотекъ? Когда какой-нибудь тупица, у котораго за душой только и есть что одно безконечное трудолюбіе, умственное равновѣсіе и отсутствіе помѣхи въ пониманіи чужихъ мыслей только благодаря отсутствію собственныхъ мыслей, когда такой тупица, — имя же имъ легіонъ, — во сто кратъ лучше и обстоятельнѣе и подробнѣе и даже вѣрнѣе его проштудируетъ то, что другіе написали, — будь то хоть клинообразныя надписи, — перероетъ статистическія таблицы, продѣлаетъ десятиэтажныя вычисленія, обсудитъ, сопоставитъ и т. д. Положительно Толстой зарываетъ свой великій, исключительный и всемірнополезный талантъ!

Все это происходитъ оттого, что Толстой, закопавшись въ эстетическія библіотеки и зажмуривъ свой природный внутренній глазъ, не увидалъ самаго важнаго въ искусствѣ, а именно того, что и оно учитъ, не увидалъ того, что если великія научныя сочиненія какого-нибудь Ньютона, Лапласа, Дарвина глубоко художественны, то и наоборотъ, великія художественныя произведенія, какъ Библія, Одиссея, творенія Шекспира и его самого, глубоко мудры и поучительны и что зачастую учатъ тому, что недоступно наукѣ, учатъ такъ, что пониманіе прямо какъ бы вливается въ самую сокровенную суть міросданія. Вотъ что называется откровеніемъ, на немъ же весь законъ и пророки висятъ. Вотъ образъ и подобіе Божіе въ человѣкѣ. И отъ него вздумалъ Толстой отказаться!

Но пора намъ кончать!

Мы не все сказали, что хотѣлось и можно бы сказать на XV-ю часть сочиненій гр. Л. Н. Толстого*). Великіе писатели и ихъ произведенія тѣмъ и велики, что мысли и чувства, ими возбуждаемыя, безконечны. Толстой одинъ изъ такихъ писателей. Онъ имѣетъ высокій и рѣдкій даръ страдать общечеловѣческими страданіями и передавать ихъ въ общечеловѣческихъ словахъ Долой „сверхчеловѣковъ“, все равно здоровы ли они какъ Наполеонъ, или больны какъ Ницше. Давайте намъ „общечеловѣковъ!“

Пусть же Толстой пишетъ, но пусть пишетъ не такъ,

---

*) Если же нѣкоторыя изъ высказанныхъ здѣсь мыслей (среди которыхъ найдется и новизна) потребуютъ дополненій и доказательствъ, то авторъ объявляетъ себя на это готовымъ во всякое время.

какъ свое послѣднее сочиненіе. Пусть не зажмуриваетъ своего внутренняго ока, видящаго во тьмѣ. Пусть не отрекается отъ своего рѣдкаго художественнаго чутья, схватывающаго тайное и выносящаго въявь. Пусть воодушевится онъ вновь вѣрой въ этотъ даръ, на пользу себѣ и людямъ. Пусть не забываетъ онъ завѣта Христа, что зажегши свѣтильникъ (а зажегъ его въ Толстомъ не Толстой), не ставятъ его подъ спудомъ, но высоко держатъ надъ головою, на пользу всѣмъ, находящимся въ домѣ.

Однимъ словомъ, пусть отнынѣ послѣдуетъ Толстой своему собственному совѣту, которымъ онъ заканчиваетъ свое послѣднее сочиненіе объ искусствѣ, которымъ и мы закончимъ свое разсужденіе, довольные тѣмъ, что нашу критику можно закончить защитой и чтобы опровергнуть тѣ недостойные голоса, которые каркаютъ, будто угасъ въ Толстомъ истинный свѣтъ. Нѣтъ, не угасъ его свѣтъ! И на вечерѣ дней, его „свѣтъ вечерній“ во сто кратъ ярче свѣтитъ тьмы этихъ хулителей.

Вѣдь развѣ кто изъ насъ сомнѣвается, что среди теченій современнаго искусства есть не мало больныхъ и вредныхъ? А развѣ кто-либо назвалъ эти болѣзни по имени, развѣ кто раздѣлилъ безспорно и окончательно болѣзнь отъ здоровья? И это въ нашъ-то вѣкъ, когда слово „декадентъ“, т.-е человѣкъ принадлежащій къ породѣ вымирающей, для жизни вредной, принимается охотно на себя людьми, съ гордостью, а не съ сокрушеніемъ!

Послушаемъ же, на вершинѣ нашей вавилонской башни, и великаго общечеловѣка! Вотъ направленіе, которое онъ указываетъ искусству:

„Искусство, вмѣстѣ съ рѣчью, есть одно изъ орудій общенія, а потому и прогресса, т.-е. движенія впередъ

человѣчества къ совершенству“ (стр. 174). „Черезъ слово человѣкъ общается мыслью, черезъ образы искусства онъ общается чувствомъ со всѣми людьми не только настоящаго, но прошедшаго и будущаго“ (стр. 195). „Искусство же дѣлается болѣе или менѣе заразительно вслѣдствіе трехъ условій: 1) вслѣдствіе большей или меньшей особенности того чувства, которое передается; 2) вслѣдствіе большей или меньшей ясности передачи этого чувства; 3) вслѣдствіе искренности художника, т.-е. большей или меньшей силы, съ которой художникъ самъ испытываетъ чувство, которое передаетъ“ (стр. 171)*). „Въ искусствѣ будущаго не только не будетъ требоваться та сложная техника, которая обезображиваетъ произведенія искусства нашего времени и требуетъ большого напряженія и траты времени, но будетъ требоваться, напротивъ, *ясность, простота* и *краткость*, — тѣ условія, которыя пріобрѣтаются не механическими упражненіями, а воспитаніемъ вкуса“ (стр. 213). „Всякій истинный художникъ и теперь учится не въ школѣ, а въ жизни, на образцахъ великихъ мастеровъ“ (стр. 214). „И потому то обезпеченіе художниковъ въ ихъ матеріальныхъ нуждахъ есть самое губительное для производительности художника условіе, такъ какъ освобождаетъ художника отъ свойственныхъ всѣмъ людямъ условій борьбы съ природой для поддержанія своей и другихъ людей жизни и тѣмъ лишаетъ его случая и возможности испытывать самыя важныя и свойственныя людямъ чувства“ (стр. 215). „Художникъ

*) Что бы ни ставили въ упрекъ Толстому, но отъ упрека въ неискренности онъ всегда былъ, есть и будетъ безспорно и безповоротно свободенъ. Эта-то его большая искренность и навлекаетъ на него всѣ прочіе упреки, но сама она есть безспорная истина.

будущаго будетъ понимать, что сочинить сказочку, пѣсенку, которая тронетъ, — прибаутку, загадку, которая забавитъ, — шутку, которая насмѣшитъ, нарисовать картинку, которая будетъ радовать десятки поколѣній или милліоны дѣтей и взрослыхъ, — несравненно важнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ сочинить романъ, симфонію, или нарисовать картину, которыя развлекутъ на короткое время нѣсколько людей богатыхъ классовъ и навѣки будутъ забыты. Область же этого искусства простыхъ, доступныхъ всѣмъ чувствъ — огромна и почти не тронута“ (стр. 217). „Написать поэму въ стихахъ изъ временъ Клеопатры или картину Нерона, сжигающаго Римъ, или симфонію въ духѣ Брамса и Рихарда Штрауса, или оперу въ духѣ Вагнера, гораздо легче, чѣмъ разсказать простую исторію безъ чего-либо лишняго и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ, чтобы она передала чувства разсказчика, или нарисовать карандашомъ картинку, которая бы тронула или насмѣшила зрителя, или написать четыре такта ясной мелодіи, безъ всякаго аккомпанемента, которая передала бы настроеніе и запомнилась слушателями“ (стр. 218). „Содержаніемъ искусства будущаго будутъ только чувства, влекущія людей къ единенію, или въ настоящемъ соединяющія ихъ; форма же искусства будетъ такая, которая была бы доступна всѣмъ людямъ. И потому идеаломъ совершенства будущаго будетъ не исключительность чувства, доступнаго только нѣкоторымъ, а напротивъ, всеобщность его. И не громоздкость, неясность и сложность формы, какъ это считается теперь, а напротивъ, краткость, ясность и простота выраженія“ (стр. 219).

„Искусство должно сдѣлать то, чтобы чувства братства и любви къ ближнимъ, доступныя теперь только лучшимъ людямъ общества, стали привычными чувствами,

инстинктомъ всѣхъ людей. Вызывая въ людяхъ, при воображаемыхъ условіяхъ, чувства братства и любви, религіозное искусство пріучитъ людей въ дѣйствительности, при тѣхъ же условіяхъ, испытывать тѣ же чувства, проложитъ въ душѣ людей тѣ рельсы, по которымъ естественно пойдутъ поступки жизни людей, воспитанныхъ искусствомъ“ (стр. 232).